

Аня Кузнецова

Осколки *прошлого*

Найти себя среди осколков
жизни, которой даже не было

12+

Аня Викторовна Кузнецова

Осколки прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67644086

SelfPub; 2022

Аннотация

Очнувшись посреди багряной пустоши, он ничего не помнил. Ни своего имени, ни прошлого, ни как попал в это адское место. Он хороший человек или плохой? Что он сделал, чтобы потерять всё? И хватит ли ему сил, чтобы собрать себя заново из осколков прошлой жизни.

Он безымянный. Бездомный. Без вести пропавший.

Содержание

Часть 1. Ориентир	4
Часть 2. Плохой человек	10
Часть 3. Возвращение к началу	19
Часть 4. Мертвецы	26
Часть 5. La mala hora	34
Часть 6. Поиск	43
Часть 7. Глас радио глаголит истину	52
Часть 8. Что будет после нас?	58
Часть 9. Любой ценой	69
Часть 10. Лицом к лицу	79
Часть 11. Граница бесконечности	85
Часть 12. В Ад ведут не все пути, но лишь один	88

Аня Кузнецова

Осколки прошлого

Часть 1. Ориентир

Два человека умирают от жажды в пустыне и вдруг видят магазин. Заходят: «Воды, воды», а продавец говорит: «Воды нет, только галстуки». Идут дальше и вдруг видят бар. Вбегают, просят воды, а бармен им говорит: «Мы не подаем людям без галстука».

Анекдот

Как так-то? Да как?

Пыльная красно-коричневая земля под ладонями, грубая, сухая. Она забивалась под ногти, в глаза, в нос, даже скрипела на зубах. Глаза слезились. Пришлось долго их тереть, чтобы осмотреться. Смотреть в общем-то было не на что — бесконечное пространство багряной пустоши вокруг с редкими сухими былинами травы, низкими деревьями и зелёными вытянутыми к голубому небу непонятными растениями с иголками. Солнце нещадно поливало землю и одинокого человека посреди пустоши.

Это просто какой-то кошмар.

Стараясь проснуться, человек жёстко потёр лицо, ущипнул себя за локоть и даже укусил за запястье. Не помогло. Он бездумно огляделся и пошёл в направлении какого-то заметного дерева — единственного приметного ориентира вокруг.

Шёл долго — солнце успело сместиться, а во рту пересохло. Под деревом он рухнул в спасительную тень и прикрыл глаза. Губы потрескались, горло саднило, щёки пылали, а глаза опухли. Прикрыв на мгновение глаза, человек представил себе поток воды. Холодной, мокрой. Она лилась ему на макушку, остужая, смывая жар, грязь и боль.

Это не сон. Нет. Это — просто издевательство какое-то!

Человек медленно поднялся, опираясь о сухой ствол, а затем с силой ударил дерево. Боль в запястье отрезвила, заставила дышать глубже. Он ударил ещё раз. На серебристой гладкой коре остались кровавые отпечатки. Повинуясь внезапно возникшему чувству человек закричал, так отчаянно и так громко, что птицы вылетели из-под далёкого куста.

Он упал на колени, зарываясь руками в землю и закашлялся. Распластавшись, он в монотонном ритме принялся стучать по земле рукой, то ли вяло избивая ни в чём не повинную почву, то ли просто вымещая на ней злость. Солнце медленно клонилось к закату.

Надо что-то делать.

Боль в руке утихла. Глухо бухало сердце, немного успокоенное размеренными ударами руки. Подул горячий сухой ветер, шевеля волосы, бросая их на лоб и в глаза. Солнце

медленно клонилось к горизонту.

Если попробовать добраться до того холма, то можно осмотреть окрестности.

Дорога до холма была мучительной и долгой. Иногда по земле пробегали какие-то животные — мелкие, маленькие и зелёные. Человек медленно передвигал ноги, стараясь не думать о солнце, жажде и вообще о происходящем. Его вела одна единственная цель — дойти. Или доползти. Пришлось снять рубашку и повязать её на голову, тем самым подставив тело обжигающему солнцу. Спустя какое-то время кожа покраснела, стала горячей.

Холм. Вокруг — бесконечность багрянца. Бесконечность солнца. Владения жажды и истощения. В стороне откуда он пришёл был ещё один холм — более высокий. Человек упал на колени и заплакал. Если бы он пошёл в другую сторону, то несомненно увидел бы больше.

Слёзы кончились. Он опять распластался на земле, прикрыл глаза и замер в ожидании. Чего именно не совсем было понятно — просто что-то же должно происходить в этом ужасном месте. Хоть что-то.

Солнце коснулось своим боком холма и стало заметно прохладнее. Человек медленно сел, вытер лицо. В груде небольших камней он заметил кладку маленьких синих яиц. Огляделся — вокруг ни единого признака жизни. Аккуратно отколов скорлупу он жадно принял к спасительной влаге и в следующую секунду его едва не вырвало. Пришлось со-

брать все силы, чтобы проглотить вязкую, склизкую жижу. Со вторым яйцом было лучше, на третьем человек уже не обращал внимание на странный вкус и запах. Оставив про запас два оставшихся, он поправил рубашку на голове и пустился в обратный путь.

Солнце совсем скрылось за горизонтом, оставив лишь яркие размытые узоры на небе. Наступал холод. Человек снял рубашку с головы и надел её, но когда на небе зажглись звёзды и ночь вошла в свои права, он почувствовал, что замерзает. Измотанный жарой и дневным переходом, человек вяло переставлял ноги, держась разве что только благодаря упрямству. Шаг за шагом он казалось даже не приблизился к цели своего путешествия, когда внезапно оказался у подножия холма.

Склон был круче предыдущего, но возросшая надежда гнала человека наверх. Он падал, поднимался, снова падал и вставал. Ноги дрожали, болело обожженное тело и раненые руки, но он шёл.

Оказавшись на вершине его постигло разочарование — вокруг стояла полнейшая темнота, лишь слегка освещённая лунным светом.

Тихо. Темно. Одиноко.

Упав на землю, он бездумно смотрел перед собой. Его охватило смятение, паника и холод. Достав оставшиеся два яйца человек съел их, обливав скорлупки. Уже было всё равно на отвратительную консистенцию, запах или вкус.

Было никак.

Он лёг, свернувшись калачиком и почувствовал себя маленьким, незначительным, как то сухое дерево, стоящее посреди багряной пустоши.

Вокруг темнота.

Вокруг тишина.

Нет никого.

Он один.

Я один.

Рассвет раскрасил пустошь серо-голубым цветом. Над головой пролетела птица, что-то гаркнув. Прошуршал ветер, вороша сухую траву. Человек вяло оглядел даль и порывисто сел — вдалеке виднелось какое-то строение. Оно было зыбким в утреннем мареве.

Холод, сковавший его к утру, отступал, но тело двигалось с трудом. Он практически скатился с холма. Не имея опоры, чтобы подняться, ему пришлось проползти до дерева. Солнце уже поднялось высоко и стало жарить не меньше, чем день назад. Замотав голову рубашкой, человек поднялся опираясь на дерево, отдышался.

Ему нужна была опора.

Повиснув на толстой ветке дерева, он попытался её сломать, но ветка даже не хрустнула. В конечном счёте, потратив значительные силы, человеку удалось сломать не самую надёжную на вид ветку. Тем не менее даже она стала подхо-

дящей опорой.

Здание вдалеке не исчезло. Оно сверкало, переливалось на солнце и было неплохим ориентиром.

Он не один.

Часть 2. Плохой человек

—Здравствуйте. Царь... Очень приятно. Царь, очень приятно, царь. Очень приятно, здравствуйте, царь. Очень приятно, царь. Царь, очень приятно. Здравствуйте, царь, очень приятно.

К/ф «Иван Васильевич меняет профессию»

Одноэтажное здание стояло на обочине шоссе. Его крышу покрывали солнечные батареи, сверкающие на солнце. На вывеске прямо над входом было написано: «Остановка на пути». К передней части здания были прикреплены полосатые тенты, а под ними разместились пластиковые столики и стулья, сейчас пустующие. На больших тёмных стёклах окон красовался запотевший стакан газировки с плавающими кусочками льда. Человек сглотнул и поковылял ко входу, пожирая глазами благодатную картинку.

Чёрный асфальт излучал такой жар, что казалось прожигал подошву ботинок. Попав под спасительную тень тента, он ощутил как жар начал медленно стекать от макушки вниз по разгорячённому и обожженному телу. Коснувшись прохладного стекла, человек замер на мгновение и толкнул дверь. Внутри стояла поразительная прохлада и было пусто. Вдоль стен разместились одинаковые столики с такими же одина-

ковыми бутылками кетчупа, стаканчиками с красными салфетками и цветочными вазочками. В воздухе витал запах кофе, мяса, блинчиков и омлета. Из колонок играла тихая музыка.

Человек попытался что-то сказать, но высохшее горло отозвалось неясными хрипами. Из-за стойки выглянула рыжеволосая девушка. Она похлопала зелёными глазами, а её рот округлился в беззвучном «О-о-о». Человек откинул палку и, сделав всего пару шагов, упал на колени. Прохладный чёрно-белый кафель охлаждал сквозь штаны. Силы, до того гнавшие по пустоши, оставили его и человек медленно растянулся на полу, впитывая спасительную прохладу.

— Ох ты ж! — воскликнула девушка, подскакивая к нему. — Ты откуда такой взялся?

Она с трудом перевернула его. Человек бездумно смотрел на белый, немного грязный потолок и крутящийся посередине вентилятор. Его лопасти медленно шли по кругу, завораживая, затягивая... Он зажмурился и открыл глаза, когда на пересохшие губы пролилась вода. Человек сел и с жадностью выпил весь стакан воды.

— Ты откуда вообще? — повторила свой вопрос незнакомка.

— Не... знаю... — собственный голос был совершенно незнакомым, хриплым и тихим. — Не помню где я.

— Ты в «Остановке на пути». 285 шоссе от Розуэлл до Карлсбад. Встать сможешь? Выглядишь ты конечно, как

жертва грабителей. Давай посмотрим, что я смогу найти для тебя. Меня, кстати, зовут Медди.

Откуда-то из закров Медди принесла ему новую одежду: приличные джинсы, мягкую майку с бравым кличем «Вперёд бобры» и даже почти новые кроссовки в сеточку. Переодевшись, человек вышел из подсобки, озадаченно рассматривая свою старую одежду.

— Как тебя, кстати, зовут, путешественник? — спросила его Медди.

— Не помню, — хмуро ответил он и добавил. — Ничего не помню.

— Да уж. Смотрю ты попал в знатную передрагу. Я позволю шерифу Джонсу чуть позже. Обычно в это время он дегустирует пироги старушки Брегит и до него не дозвониться, — она забрала из его рук вещи и рассмотрела их. — Одно могу сказать — ты парень не бедный. Рубашка Бриони — такое простой парниша из задворок не купит. А ботиночки, ботиночки — Луи Виттон. Да уж, ты, парень, явно из сильных мира сего...

Человек коснулся виска и поморщился. В голове всплыла странная сцена.

Мальчик, лет тринадцати, стоял у стены и с трудом сдерживал слёзы. Другие дети бежали мимо на выход. Школа. Конец занятий. Все спешили домой, но не этот. Он со страхом смотрел на выход и сжимал в руках сумку. Когда вход-

ная дверь в очередной раз открылась, с улицы ветер бросил горсть снега, холод прошёлся по ногам.

– Ты чего это? — спросил человек.

– Да, вот, — он пнул ногой остатки пуховика, лежащие на полу. — Они куртку того. Порезали.

В этот момент мимо прошла группа ребят и, указав на мальчика, рассмеялись. Тот в свою очередь вжал плечи в себя и постарался сделаться незаметным.

– Ну ладно. Вот, бери, — человек протянул свою куртку.

Она была синей, с ремешками и нашивками. Явно модная и недешёвая.

– Ты чего?

– А ты? Бери давай или до дома будешь идти в одной майке?

– А ты как?

Человек пожал плечами — для него это не было проблемой.

– А меня водитель ждёт. Что я до машины не добегу? Бери уже, не прибедняйся.

Мальчишка осторожно надел на себя куртку и благодарно улыбнулся. Он аккуратно пощупал ткань, что вызвало у человека смешок.

– Давай, иди уже.

Он испытывал совершенную радость. Просто потому, что её испытывал, без всяких причин.

Следующее воспоминание, а это были именно они, оказа-

лось полной противоположностью первому. Пожилой мужчина, высокий, прямой, жесткий нависал над ним и был словно гора.

– О чём ты думал?

– Ему не в чем было идти домой.

– Вот в чём дело? Поэтому надо раздавать свои вещи? А ты не подумал, что эта куртка была куплена на мои деньги?

– Отец, я... Я подумал — у меня таких курток много, а у него...

– У него свои родители есть — пусть они и разбираются. Ты потворствуешь слабакам. Нельзя связываться со слабаками — они будут только тормозить тебя. Их надо убирать со своего пути, — мужчина рубанул ладонью по воздуху.

– Отец, я не согласен...

Глухой удар обрушился на него со всей яростью происходящего.

Человек казалось плавал в неясных картинах прошлого: они были так отчаянно знакомы, но в то же время совершенно непонятны и бессвязны.

– Отдай, — говорил он давнишнему мальчишке. — Ну же!

– Родители обещали сегодня купить новую и я обязательно тебе верну завтра утром. Или хочешь вечером отвезу, — его голос дрожал, а руки сжимали злосчастную куртку.

И правда — слабак. Вместо того, чтобы защищаться, он дрожит и молит о пощаде.

Он ударил. Просто потому, что хотел. Потому что слабаков надо убирать со своего пути. И куртку забрал, хотя у него таких ещё пять или шесть.

Слабаков надо учить.

— Ты чего это? — девушка тронула человека за руку. — Вот держи, поешь. Ты явно последние пару суток питался не самым лучшим образом.

Человек вяло взглянул на блинчики с беконом и сыром. Они действительно выглядели очень аппетитно. Каким-то образом он уже сидел за стойкой.

— Я кое-что вспомнил и это было...

— М? Расскажешь?

Он и рассказал. Неприятное чувство застряло в глотке и не давало притронуться к еде. Медди слушала его внимательно, иногда кивала, иногда с сарказмом поднимала густую бровь.

— Ты считаешь, что был прав? — спросила она, когда человек закончил.

— Не знаю.

— Хороший ответ «не знаю». Удобный, чтобы спрятаться, — буркнула она и пододвинула ему чашку с кофе. — Не удивительно, что ты попал в такую передрыгу. Хотя, сколько тебе было? Тринадцать?

Человек пожал плечами. Тринадцать лет — достаточный возраст, чтобы понимать, что происходит. А сейчас ему...

Сколько?

– На сколько я выгляжу?

– Ну... — протянула Медди. — На двадцать-двадцать пять. Ешь давай, а я позвоню шерифу Джонсу.

Она нырнула в раздаточное окошко и вытянула оттуда телефонную трубку на длинном кручёном проводе. Её разговор с шерифом был коротким, деловым, но наполненным тёплым дружественным щебетом, что обычно сопровождает старую добрую дружбу.

У него ведь должны быть друзья. Люди, которым можно позвонить. Которые ищут. Которые придут...

Придут ли? Могут ли быть у такого человека, как он, друзья?

– Я буду звать тебя Кюнтэх, пока не узнаем твоего настоящего имени. Тебе нравится?

– Пойдёт, — кисло усмехнулся новорожденный Кюнтэх. — Что сказал шериф?

– Что посмотрит ориентировки и заедет завтра утром. Можешь переночевать в кладовке. Надеюсь, ты не съешь весь соус чили?

– Нет... Медди, я плохой человек?

Девушка задумчиво осмотрела его и язвительно ответила:

– Возможно, но сейчас ты никто и звать тебя Кюнтэх.

До вечера в заведение так никто и не пришёл. Медди жила при кафе в маленьком домике. Она выдала Кюнтэху одеяло с подушкой и проводила в кладовку, где стоял старень-

кий диванчик с живописными дырками на подлокотниках и спинке.

Несмотря на усталость, он не мог уснуть. Ему казалось, что в углах таятся тени и они смотрят на него обвинительно. Он сломан, вывернут наизнанку, и теперь всем и каждому видно его пустое нутро. Он не просто потерян — он забыл.

Что он мог сделать, чтобы попасть в этот Ад? Опять кого-то обидел? Оскорбил? Избил?

Не важно, но ясно одно: он — плохой человек.

То был сон, а может воспоминание, как до того. Высокий, щуплый парень широко улыбался, стоя перед тёмно-синим стареньким мерсом, из салона которого звучало “Финское танго”. Это был тот самый мальчишка, у которого порвали куртку, только старше лет на десять.

– Ну, как тебе? — он похлопал своё приобретение по кузову.

– Ну...

– Не порш, понятное дело, но смотри какая аккуратная? А? Предыдущий хозяин за ней ухаживал. Ни ржавчинки, ни вмятинки. Салон — как новый.

– Я мог бы тебе добавить...

– Не надо, — отмахнулся парень. — Зачем? Я вполне смог сам. А это же всё ты, — он ехидно прищурился, тыча в Кюнтэху пальцем. — Без этой твоей рекомендации я бы не выплыл.

– Да ладно. Я просто попросил тебя проверить, а дальше ты сам.

Парень взмахнул густой шевелюрой и схватил своего собеседника за плечи.

– Неважно. Если когда-либо тебе нужна будет помощь, я не откажу. Всегда и везде. Ну же, мы же со школы друг за друга. А? Я ещё помню, как ты тем идиотам, что мне куртку распороли, на следующий день носы поломал. Всё, давай заканчивать и поехали. Сегодня мы кутим!

Он вспомнил имя этого парня — Алекс.

Алекс был другом.

Часть 3. Возвращение к началу

В человеческом сердце происходит непрерывная смена страстей, и угасание одной из них почти всегда означает торжество другой.

Франсуа де Ларошфуко (1613–1680)

Солнце, всё такое же яркое и безжалостное, разбудило его в восемь утра. Из зала была слышна программа какой-то местной радиостанции. Обсуждали сбои в орошении полей и перебои с водой. Некая Джанин громко заявляла, что это всё проделки всемирной организации охраны воды. Они хотят повысить цены и тем самым создают искусственный дефицит.

Человек чувствовал себя ужасно невыспавшимся и разбитым, несмотря на то, что спал крепко, а боль от ожогов и ссадин почти прошла. В зале ничего не изменилось — людей не было, а Медди сновала из кухни в зал прибираясь и расставляя вещи по местам.

– Вот и ты! Звонил шериф — сказал, что подъедет к обеду.

– Привет. Спасибо.

– Будешь блинчики? Есть ещё омлет.

– Омлет.

Медди суетилась на кухне, пока её незваный посетитель оглядывался, пытаясь в своём больном мозгу сложить пазл из собственных обрывочных воспоминаний.

У него был друг — Алекс, которому он вначале помог, потом избил, а затем... они как-то подружились.

У него был отец — человек-гора. Человек вселяющий ужас.

У него была жизнь.

Кюнт сел за стойку. Медди вышла с кухни, забрала из раздаточного окна тарелку и поставила её перед ним.

– Вот твой омлет. Я добавила немного огурчиков.

Он пододвинул тарелку к себе и вновь огляделся.

– А где все? Тут всегда так пусто?

Девушка пожала плечами.

– Этой дорогой пользуются туристы, а южная Олд-Мексико не самое популярное направление. Местные же обычно заходят сюда в пятницу и на выходных, когда едут с полей. Так что завтра тут будет не протолкнуться.

Этот ответ казалось удовлетворил его. Омлет был чудесен и в какой-то мере примирил Кюнта с безумием происходящего.

Прозвенел колокольчик за спиной, впуская в заведение шумную парочку.

– Ну что ты такое говоришь! Это же самое важное! — восклицала девушка лет двадцати пяти с забавными хвостиками.

– Отстань, — отмахнулся от неё мужчина значительно её старше. — Я тебе говорил, что всё это глупости. Я лучше знаю.

– Папа, а если машина сломается? Мы же не сможем...

– Я лучше знаю, — повторил он. — Я за руль сел, когда тебя даже в планах ещё не было. Не лезь в дела, в которых не разбираешься.

Он подошёл к стойке, а девушка, низко наклонив голову, прошептала:

– Я с десяти лет перебираю двигатели и тоже кое-что смыслю.

– Утихни, я сказал!

Они подошли к стойке и стали делать заказ. У девушки хвостики были завязаны забавными резиночками с красными маленькими бом-бонами. Кюнт уже где-то видел такие. Вот точно такие же — красные, пушистые, забавно дрыгающиеся при движении.

Где-то в прошлом...

Клуб «Святая Иолана» был самым популярным местом. И самым дорогим. Они приехали туда кортежем на трёх машинах, по дороге заехав за девочками. Пятница — прекрасное время, чтобы отдохнуть. Были какие-то проблемы на работе, но что именно вспоминать не хотелось. Ярко светили огни здания, из колонок звучала музыка, поражая скопившуюся перед входом толпу своими басами.

Его здесь знали и охранник клуба без вопросов растолкал толпу. Девушка, висевшая на его руке, восторгалась его же привлекательностью, крутой машиной и в красках представляла, как они сейчас все затусуют. От неё пахло очень сладко, даже слишком.

– Пойдите! Эй! Да пропустите же меня!

Звонкий уверенный голос с лёгким ирландским акцентом привлёк его внимание. К ним проталкивалась женщина, довольно молодая. Её волосы были убраны в высокий хвост и закреплены красной резинкой с бом-бонами. Лицо, как это не странно, разглядеть не получалось — ей в спину бил яркий свет. Она пихнула локтём охранника, который пытался преградить путь. Кюнт поднял руку, останавливая его.

– Это же вы руководитель отдела охраны труда «Корпатка Прайс»?

– Ну, — ответил он. — Что вам надо? Мы спешим.

– Недавно в цеху обработки случился несчастный случай. С моим отцом. Вы должны помнить, потому что я не раз писала...

– Так это вы? — он испытывал раздражение. — Я смотрю вы не теряете время даром! Оставьте меня в покое.

Он собирался повернуться, но женщина схватила его за локоть и развернула обратно.

– Нет, вы меня выслушаете. Из-за вашего безответственного отношения к технике безопасности мой отец при смерти. Тот костюм...

— Да что с вами! — Кюнт скинул руку незнакомки. — Ваш отец сам встал на линию. Вы не получите от нашей компании ни цента. Идите поплачьте в другом месте!

Кюнт медленно выдохнул, уперевшись руками в стойку. За спиной тренькнул колокольчик и дверь закрылась за посетителями. Медди, словно не замечая состояния своего постояльца, убирала столик. По радио вновь началась какая-то программа и в этот раз обсуждали, как команда «Бобров» сыграет в этом сезоне.

Зазвонил телефон и Медди подняла трубку, вновь нырнув в раздаточное окно. Она вылезла оттуда расстроенная.

— Шериф Джонс звонил. Он сломал палец на ноге и просит тебя приехать в участок, — она прищёлкнула пальцами. — Я смогу отвезти тебя, когда моя сменщица подъедет. Думаю, это будет скоро.

Кюнт помог ей прибраться, подмёл пол и вытер столики. Было уже за полдень, когда приехала сменщица — жизнерадостная, пухленькая дама лет пятидесяти.

У Медди был старенький красный мерс. Конечно без кондиционера, но девушка открыла окна и когда они тронулись, горячий сухой ветер приятно обведал лицо. Они поехали, как ни странно, не по шоссе, а в том направлении откуда Кюнт пришёл за день до того.

Вот они приблизились к дереву, у которого он выломал ветку, чтобы сделать себе палку, объехав холм, проехали ми-

мо места, где Кюнт очнулся...

То было возвращение к началу. Все мы возвращаемся к началу и ходим по кругу ища, словно слепые котята, выхода из водоворота бесконечного безумия. В какой-то момент, оказываясь на исходной точке, но уже с новыми вводными. Тогда может быть это не хождение по кругу, а хождение по спирали?

Клуб шумел, сверкал, бухал басами. Девушка рядом щебетала какую-то несусветную чушь. В её тонких пальцах дрожал бокал с розовым коктейлем. Кюнт поморщился, ощутив на губах привкус её помады — липкий, парфюмерный, гадкий.

Он встал и пошёл на воздух. Ему было необходимо найти ту женщину. Он ведь сам был неправ. Ведь в тех документах, что он подписывал были ошибки. Незначительные, глупые, а он всё списал на безалаберность подчинённых. Он уже нёсся ко входу, когда его накрыла темнота.

В ней не было ничего: ни звуков, ни цветов. Он вновь был один.

Кюнт открыл глаза. Сон уже практически забылся. Это не было воспоминанием. Или было? Может ли собственное болезненное состояние изменить память — кто знает на что способен мозг.

В ушах звенел голос: «Из-за вашего безответственного от-

ношения...»

Они свернули на просёлочную дорогу и стали двигаться против солнца.

– Эй, смотри! — Мэдди сбавила скорость и указала в сторону припаркованной у обочины машины, из-под капота которой валил дым. — А девчонка-то была права.

Вокруг своего поломанного средства передвижения бежали давешние посетители «Остановки на пути».

Всё возвращается к началу.

Часть 4. Мертвецы

Панночка в гробу необычайно красива. «Такая страшная, сверкающая красота!» – восклицает повествователь.

Из презентации ученицы 7 класса «Мистические мотивы в повести Н.В. Гоголя»

Розуэлл был типичным провинциальным городком Олд-Мексико в Новых штатах. Вокруг на пустошах фермеры с боем отвоевали у природы небольшие поля. Освоили их, выращивая кукурузу и сою, которые кормили весь материк центральной Америки.

Тем не менее город, когда-то довольно большой и обжитый, теперь представлял собой пустынные улицы, занесённые коричневой грязью и обветшалые выцветшие вывески. Туда-сюда сновали тощие кошки.

Участок шерифа находился в центре рядом со зданием мэрии и стареньким супермаркетом «Красная птица». Шериф Джонс развалился в плетёном кресле под тентом у входа в участок и пил из высокого стакана апельсиновый сок. Его загипсованная нога возлежала на маленькой табуреточке. Сам он, вопреки ожиданию, был худым, с небольшими залысинами на коротко остриженной голове. Ему очень шла форма цвета хаки с такими, присущими всем шерифам, звёз-

дочками. Сразу было понятно — этот человек на своём месте.

— А, вот и вы, — он отсалютовал бокалом и указал на длинную скамейку у стены. — Садитесь.

Шериф Джонс совершенно не обрадовал Кюнта. Никого похожего по описанию он не нашёл. Зато не сходя с места, сделал фотографию Кюнта на телефон и выложил в сеть.

Сам пропавший мало что мог рассказать. Он пересказал обрывочные воспоминания. О клубе «Святая Иолана» шериф что-то слышал, но где он находился так и не смог вспомнить. А вот компания «Корпатка Прайс» не находилась даже в сети. Они пришли к выводу, что возможно Кюнт неправильно вспомнил название. Ещё шериф направил его к доктору Дарлингу, но тот уехал до понедельника на свадьбу племянницы и требовалось подождать его возвращения.

Джонс благородно предложил Кюнту место в участке — уютная дальняя камера, куда можно принести кондиционер и телевизор, но Медди в свою очередь пригласила пожить у её отца за городом на маленькой ферме. Кюнт решил, что ферма лучше камеры, пусть он там будет в роли гостя, а не постояльца.

Они уже собирались садиться в красный мерс Медди, когда из-за угла соседнего здания вышла полная женщина в широкополой соломенной шляпке и уверенно двинулась в их сторону. Шериф Джонс взволновано приподнялся со своего места и состроил кислую мину.

— Сидит он! — воскликнула женщина, подойдя ближе. — Ты совсем забыл про меня! Я значит жду, когда он придёт крышу чинить, а он то у Брегит пироги трескает, хотя все мы знаем, что ты там делаешь! То сидит сок пьёт.

— Мама, я работаю!

— Работает он? Вижу как он работает!

— У меня нога сломана — во, — шериф указал на загипсованную конечность, но женщина только сильнее разозлилась.

— Я тебе вторую сломаю...

Медди махнула рукой Кюнту и они сели в машину. Голос матери шерифа Джонса звучал ещё очень долго.

Дорога до фермы отца Медди заняла почти два часа. Кюнт задремал, прислонившись лбом к прохладному стеклу.

Яркие разноцветные огни города выплёскивались из огромных панорамных окон прямо в комнату. Внизу до самого горизонта распростёрлись бесконечные дома, дороги и фонари. В этом городе бурлила жизнь. На губах ощущался привкус вина: кисловатый, напоминающий о старой доброй Италии, хотя виноград там уже давно не выращивали.

За спиной щёлкнул замок и, обернувшись, Кюнт увидел как отъезжает в сторону матовая стеклянная дверь. В комнату ступила высокая, до безумия красивая женщина. Чёрные блестящие волосы густой волной спадали до самых босых ступней. На её белой, полупрозрачной коже, расплыва-

лись красные, синие и зелёные огни города.

– Здравствуй, дорогой, — она простёрла к нему руки, об-
лачённые, словно в броню в чёрные бархатные перчатки.

– Здравствуй.

Кюнт сделал шаг вперёд и замер в нерешительности. Даже
в ужасе. Этот животный страх рождался где-то внутри, под
сердцем и медленно поднимался вверх, заставляя сжиматься
все органы.

– Я соскучилась по тебе, мой мальчик, — её алые губы
расплылись в улыбке, а в чёрных глаза заиграли огоньки.
— Как ты мог забыть меня там?

– Где там?

– Как где? В больнице. Я всё ждала, ждала, а ты так и не
пришёл.

Она сама сделала шаг вперёд и вцепилась сильными паль-
цами в его плечо.

– Я не помню. Прости меня.

– Ты как и твой отец полное ничтожество. Он всегда за-
бывал про меня!

Кюнт проснулся от резкого толчка. Медди встревожено
смотрела на него.

– Что с тобой?

– Просто приснился кошмар.

Он протёр глаза и огляделся. Машина стояла у двухэтаж-
ного деревянного дома. Пока он спал они успели приехать.

Отца Медди звали Каван. Он был такой же рыжеволосый как и дочь. Немолодой, где-то под пятьдесят, но бодрый и очень радушный. Он тут же пригласил всех на обед.

Зайдя в дом, где царил сумрак, Кюнт едва не вскрикнул. Каван обернулся к нему и с его лица словно стала слзывать кожа, а одежда на нём пропиталась красноватой сукровицей. Сама же рубашка разошлась по шву на правом плече. Кюнт отступил, прикрыв рот. В этот момент Медди включила свет и всё исчезло.

– Ты чего? — беспокоенно спросила она.

Кюнту стало не по себе. Он помотал головой, пробормотав какое-то объяснение. Хозяин дома пожал плечами, мол что взять с человека, который не в ладах со своей головой.

За обедом выяснилось, что Кавана пригласили на похороны Гвенет О'Нил. Было решено отправиться туда всем вместе. Во-первых, Медди сама хотела попрощаться. Во-вторых, оставлять Кюнта в одиночестве на ферме она считала плохой идеей.

Похороны проходили тихо, без особых происшествий. Гроб поставили в маленькой часовне и все могли подойти к нему и попрощаться. Покойная лежала в чёрном платье, с чёрным платком на голове. Её седые волосы были завиты в мелкие колечки. Кюнт встал в стороне, стараясь никому не мешать. Кто-то обсуждал, что у Гвенет хоть и был скверный характер, но человеком она в общем-то была неплохим. Каван произнес хорошую недлинную речь, благодаря покой-

ную за её вклад в постройке школы.

Солнце переместилось ближе к горизонту и лучи, проникая сквозь небольшой витраж над алтарём, раскрасили здание разноцветными огнями. Кюнт взглянул на покойную и едва не вскрикнул. Его сердце бешено застучало. На него смотрела женщина из сна. Она мягко улыбалась и вновь протянула к нему руку. Кюнт зажмурился, а когда открыл глаза женщины уже не было.

Он вывалился из часовни и остановился в тени, чтобы успокоить бешено стучащее сердце. К счастью ни Медди, ни Каван не заметили его пропажи. Всё оставшееся время Кюнт просидел в машине, стараясь стереть из памяти ужасное видение. Они вернулись на ферму уже затемно, поужинали бобами с бифштексом, да пошли спать.

Он никак не мог уснуть. Его душа металась между двумя состояниями — ужасом и холодом. Он знал эту женщину. Видел её когда-то. Она была ему близка. Плюнув на всё, он решил умыться и здесь впервые смог посмотреть на себя. Это оказалось так странно — видеть совершенно незнакомое лицо и в тоже время улавливать в нём знакомые черты.

Густые брови, нос и подбородок ему достались от отца. И вот эти упрямые складки в уголках губ. Остальное по всей видимости от матери: чёрные волосы, чёрные глаза, бледная кожа... Кюнт включил воду и яростно умылся холодной водой. В этот раз не было никаких провалов в прошлое. Он просто вспомнил. Женщину из его снов звали Маргарита. И

она была его матерью.

– Здравствуй, мой мальчик.

– Здравствуй, мама.

Кюнт уверенно шагнул вперёд, с сожалением и тревогой рассматривая черты её лица.

– Ты забыл про меня.

– Да.

– Ты оставил меня в больнице и мне пришлось самой добираться до дома.

– Нет, мама, — он печально вздохнул. — Ты умерла.

Маргарита не стала с ним спорить. Она протянула руку и коснулась его лица, провела большим пальцем по щеке и вновь улыбнулась.

– Да, но ты всё равно про меня забыл.

– Как меня зовут, мама? Кто я?

– Если ты не знаешь, то кто знает?

Он тогда сильно пил. С самого дня смерти матери. Его нашёл Алекс в каком-то захолустье. Вытащил за шкуру на улицу и намял бока. «Она же твоя мама», — говорил он. А Кюнт ему отвечал: «Её всё равно уже нет. Какой смысл?». Он так и не приехал на похороны, страдая от похмелья и вновь впадая в алкогольное безумие.

Он и правда забыл.

Кюнт подскочил на кровати, задыхаясь. Его скрутил сильный спазм и он сжался в комок прямо на кровати.

И расплакался.

Часть 5. La mala hora

О нём говорили, что в этой же самой спальне он застал со своей женой мужчину, убил его и зарыл труп у себя в патио. На самом деле было совсем другое: Адальберто Асис застрелил из ружья обезьянку, которая сидела на балке под потолком спальни и смотрела, как переодевается его жена. Он умер сорока годами позже, так и не сумев опровергнуть сложившуюся о нем легенду.

«Недобрый час» Маркес Габриэль

Пятницу и все выходные Кюнт провёл на ферме. Время здесь текло медленно. Работа была простой и за разговором со старым ирландцем легко было забыть о насущных проблемах. Оказывается в Олд-Мексико Каван с Медди переехали почти двадцать лет назад с Канадских островов, после смерти жены Кавана. Там же они жили в небольшой ирландской общине. Она занимала два острова. Один был полноправной собственностью общины, за другой же шла ожесточённая борьба с администрацией Канадских островов. Собственно причиной вынужденного переселения стала не столько смерть жены Кавана, сколько всё возрастающие радикальные волнения на острове. Растить ребёнка в такой атмосфере мужчина не считал хорошей идеей. На новом месте

он смог купить маленькую ферму.

Каван не выращивал ни кукурузу, ни сою, а имел небольшую пасеку на тридцать ульев, причём несколько семей мужчина с трудом вывез из общины. Он с гордостью представлял гостю своих пчёл. Что интересно, каждый улей был назван своим именем: Аделоида, Маргарита, Старая Англия, Новый горизонт, Весенна, Жуль и так далее. Пчёлы на проверку оказались злыми и кусачими и почти всю пятницу Кюнт провёл в доме, обмазавшись мазью от воспаления. Медди посмеивалась над ним, но совсем откровенно не злорадствовала. «А отца они не кусают», — говорила она.

В субботу утром Кюнт решил прогуляться по округе, благо в этой части пустоши каждые три километра стояли маленькие пластиковые навесы с колонкой, а также аварийным телефоном и можно было не бояться умереть от жажды или перегрева.

Кюнт остановился на перекрёстке двух просёлочных дорог. Одна вела от дальних полей к Розуэлл, а другая связывала водохранилище и ещё одни поля, принадлежащие общине староверов. Вдалеке виднелись какие-то дома и по дороге на велосипедах гоняли дети. Кюнт обернулся и коротко вскрикнул. На него смотрела женщина в длинной белой рубашке. Её седые волосы развевались на лёгком ветру. Она открыла рот и проговорила несколько слов на неизвестном языке, больше похожем на смесь испанского и английского, но ни одного слова Кюнт не узнал. Женщина махнула ру-

кой, словно останавливая ставший неинтересным разговор, повернулась и пошла по дороге в сторону Розуэлл.

— *La mala hora*, — крикнул мальчишка, проезжая мимо неё на велосипеде.

Женщина продолжила идти дальше. Кюнт повернулся к мальчишке.

— Как ты её назвал?

— Мы её завём *la mala hora*. Кто её встретит на перекрёстке, тот сойдёт с ума и умрёт. Ну или кто-то из близких умрёт, — пояснил мальчик и, надавив на педали, понёсся к своим друзьям.

Когда Кюнт поднял глаза, женщины уже не было.

На ферме Медди начинала готовить обед. Она внимательно выслушала историю о встрече с *la mala hora* и даже не стала над ним смеяться. Мол, люди всякие байки горазды придумывать, что каждой верить?

До обеда было ещё далеко и Кюнт решил помочь Кавану в сарае. Тот как раз прокладывал проводку до новой пристройки, где собирались хранить рамки с мёдом. К удивлению самого Кюнта, он быстро понял, что надо делать. Казалось руки сами знали как уложить провода в канавки, какой разъём куда подключить и как настроить панель управления энергосетью. Они провозились до самого обеда, а затем и до самого вечера. Один провод остался висеть оголённым. Кюнт заизолировал его и предупредил Кавана, что доделает всё в понедельник или вторник, когда они с Медди вернуться из

города. Он слез со стремянки, сложил её и повесил на стену.

— А ты, я смотрю, толковый парень, не смотря на то, что память отшибло, — весело заметил Каван. — Может быть ты был электриком? Хотя посмотри, руки у тебя не сказать чтобы сильно натруженные. Не думаю, что на жизнь ты себе зарабатывал горбачья спину.

— Не знаю, — уже привычно ответил Кюнт. — В моих воспоминаниях какая-то женщина говорила, что я руководитель отдела охраны труда «Корпатка Прайс».

— Хм... Никогда о такой не слышал. Смотрел в сети?

— Там ничего нет. А ладно, может быть это просто моё желание? Вот был я обычным сотрудником этой Корпатки и очень желал стать руководителем каким-то, а оно мне приснилось.

Каван пожал плечами, явно опечаленный тем, что не знает чем помочь своему гостю.

— Пошли, а то Медди сейчас погонит нас половником на ужин.

Он повернулся, неловко задев стремянку, висевшую на стене. Та, по всей видимости была плохо закреплена, и упала, к счастью косо задев Кавана. Рубашка треснула на плече по шву. Плечо быстро окрасилось кровью. Медди весь вечер суежилась вокруг отца, обвинительно смотря на Кюнта. Каван же всех успокаивал и говорил, что это случайность, просто царапина.

Кюнт никак не мог выбросить из головы видение, кото-

рое настигло его несколько дней назад. Порванная рубашка, привидевшаяся ему в темноте коридора, в точности соответствовала той, чтобы была на Каване вечером. Да и вся ситуация оказалась крайне неловкой — он плохо закрепил лестницу на стене и по его вине, пусть и косвенной, мужчина поранился.

Они выехали в десять утра, надеясь к обеду быть уже в Розуэлл. Проезжая давешний перекрёсток, Кюнт вновь увидел женщину в белом. Она проводила их взглядом. Он ничего не сказал, предпочтя списать возникшее беспокойство на волнения минувших дней. Мало ли безумных женщин?

Шериф Джонс сидел в своём кабинете, попивая ледяной чай. Он явно был не в самом лучшем расположении духа, но заметив своих посетителей улыбнулся довольно приветливо. Их ожидали печальные новости: фотографию и данные он поместил в базу, но никакого отклика пока не было. Возможно потребуется подождать пару недель. По лицу Медди было видно, что времени потребуется больше. Кюнт же пытался выпытать у шерифа, не смогли ли связаться с «Корпатка Прайс» или узнать, где располагается клуб «Святая Иолана». На все свои вопросы он получил отрицательный ответ.

На улицу Кюнт вышел раздражённый. Он словно хомяк гонял колесо, но так и не находил выхода. Может и правда он никакой не руководитель, а обычный парень, которого никто не ищет?

Доктор Дарлинг оказался приземистым, слегка полноватым мужчиной средних лет. У него была аккуратная бородка и усы. На носу сидели круглые очки с толстыми стёклами. Весь образ дополняла красная галстук-бабочка. Седеющие волосы он разбивал на косой пробор и явно фиксировал лаком, чтобы чёлка не падала на глаза.

– Ага, вот и вы мой друг! — радостно воскликнул он, когда Кюнт зашёл в его кабинет. — Наслышан о вас.

Как ни странно, жизнерадостность и деловитость доктора Дарлинга в некотором роде примерили Кюнта с безысходностью происходящего. После осмотра выяснилось, что не было никаких причин амнезии, то есть никто его не бил по голове. Доктор задумчиво подёргал себя за ухо и улыбнулся.

– Есть у меня один занятный материал. Ещё в колледже я снимал выводы своих исследований на камеру, чтобы выкладывать в сети. На пятом курсе я как раз увлёкся психиатрией... Собственно, лучше будет посмотреть, чем пересказывать.

И он действительно поставил короткий ролик, где более молодая версия доктора Дарлинга рассказывала о природе амнезии, как способе побега от тяжёлых травмирующих воспоминаний.

– Вообще, русские в институте Сербского научились в своё время возвращать память.

– Я могу к ним обратиться?

– Боюсь, что нет. После «Великого переселения народов»

эти знания утрачены безвозвратно, — грустно заметил доктор Дарлинг. — Я кое что знаю про проблемы с памятью, но мой опыт ограничен деменцией и скорее лежит в плоскости утрачивания личности, а ваша личность сидит внутри вполне крепко, как я могу судить. Возможно вам встречалась Лилия Мёрфи? Медди живёт где-то там. Была очень приятной женщиной, но с пятидесяти лет безвозвратно утрачивает память и личность. Часто воспринимает себя ребёнком и куда-то уходит из дома. Вместе с тем со временем она стала пропускать слова и звуки в предложениях, теперь же и вовсе говорит только отдельные слога. Нет никакого шанса её понять.

Кюнт описал встреченную им женщину на перекрёстке и доктор Дарлинг подтвердил, что это именно она.

Кюнт попросил Медди остановить машину за пару сотен метров до перекрёстка. Он хотел прогуляться пешком один и отверг предложение девушки остаться с ним.

Был уже вечер и солнце медленно спускалось к багровому горизонту, в последний раз перед темнотой лаская землю своими лучами. Женщина появилась также внезапно, как и раньше. Она неясно бормотала что-то. Кюнт, ещё на приёме узнавший у доктора Дарлинга, где она живёт, взяв её под руку и мягко направил в сторону дома. Она что-то эмоционально ему рассказывала на своём языке, кажется возмущалась, затем дёрганно улыбнулась и в конце-концов поглади-

ла его по руке.

– Вы знаете, я вас совершенно не понимаю, — сказал Кюнт. — Но уверен, что где-то там вы понимаете меня.

Лилия обеспокоенно проворчала что-то.

– Я не знаю куда мне идти. Как вы думаете, мне стоит остаться здесь или поехать в город побольше? Не могу же я всё время сидеть на шее Медди.

Женщина согласно кивнула и вновь забормотала что-то.

К ним навстречу спешил мужчина. Он взволновано обнял Лилию, но та оставалась совершенно безучастной к этому. Это был её сын Густав. Он пригласил Кюнта выпить с ним чай. Он же и рассказал причину этой странной байки про *la mala hora*, которая переводится как Плохой час. Лет пять назад, когда Лилия уже была не в ладах с собой, жена предыдущего мэра Розуэлл ехала на велосипеде по дороге и заметила Лилию только в последний момент. Она успела свернуть в сторону, но потеряла управление и сломала лодыжку. А там история обросла злыми слухами. Мэр с семьёй уехали из города через год и никто уже не мог опровергнуть сплетни. Кто-то припомнил, что встретил Лилию на дороге, а на следующий день у него умерла мать. На самом деле умерла собака, от старости, потому что мать у того человека прожила ещё полтора года и умерла от сердечного приступа.

На ферму Кюнт возвращался в жутких сомнениях. Он то улыбался, то хмурился. Кто он такой? Человек-подонок, который бил людей, не пришёл на похороны матери или просто

придумал замену настоящему «я»?

Медди сидела в гостинной и зашивала рубашку отца. Она радостно помахала Кюнту и предложила ужин. Тот отказался и отправился спать. Как всегда он засыпал с трудом, постоянно прокручивая в голове сумятицу воспоминаний.

Проснулся он почти в двенадцать от крика. Медди нашла отца в сарае и сразу же вызвала скорую. Каван лежал без сознания. Он решил не дожидаться Кюнта: сам полез на стремянку и не подумав схватился за провод, с которого слетела изоляция. Его отвезли в больницу в Розуэлл, где подключили к аппаратам.

— Это твоя вина, — коротко бросила ему Медди. — Он всегда не дружил с электрикой.

Кюнт открыл рот, чтобы ответить хоть что-то, но тут же закрыл его. Медди расплакалась, уткнувшись лбом в его плечо. Он приобнял девушку.

Можно вспоминать как свои хорошие, так и плохие поступки, но то, что ты делаешь в моменте, остаётся с тобой навсегда.

Часть 6. Поиск

Желтые штаны – два раза ку.

К/ф «Кин-дза-дза!»

— Услышьте правду об «Инциденте в Розуэлл». Вам врут, а мы говорим только правду! Уникальные и неоспоримые доказательства крушения корабля гостей с другой планеты предоставлены уважаемым мистером Уильямом Вуди. Эти драгоценные факты доказывают, что наше бедственное положение связано именно с влиянием других цивилизаций, которые не хотят, чтобы Земля стала процветающей планетой и полноправным участником межпланетного союза. Приходите к нам, гости и жители Розуэлл и узнайте правду. В нашей сувенирной лавке вы можете приобрести кружки, значки и другую продукцию, чтобы поддержать наше великое начинание и не дать скрыть правду!

Динамик напоследок выплюнул какой-то странный звук на низких частотах и умолк. Кюнт ещё раз посмотрел газету, которую сжимал в руках и вновь поднял глаза. Всё было верно, он пришёл по нужному адресу. Здание музея представляло собой двухэтажное бетонное строение без окон. Справа находился вход в кинотеатр, слева вход в сам музей. Выцветшие плакаты призывали посетить выставки: «Тайна па-

дения корабля пришельцев в Розуэлл», «Как проходят исследования инопланетных рас», «Препарирование или ассимиляция?», «Поработители, рабы или друзья? Кто они?». Каждую вторую субботу месяца в кинотеатре показывали фильмы на основе реальных документов. У входа в музей Кюнта встретили два картонных макета зелёных человечков. Они подняли трёхпалые руки в знак приветствия.

В маленьком холле разместились уже упомянутый сувенирный магазинчик и касса за небольшим прилавком зелёного цвета. За ней сидел высокий, невероятно худой длинноволосый мужчина. Он поднял глаза и расплылся в широкой улыбке.

– Добро пожаловать в Международный музей и исследовательский центр НЛО!

– Добрый день. Я по поводу работы, — сразу же ответил Кюнт, подозревая, что сейчас мужчина начнёт презентацию в духе «Только мы знаем правду».

– Это же прекрасно! Я уже не надеялся, что кто-то прочитает моё объявление.

Чарли Дикк, так звали мужчину за прилавком, был владельцем музея и оказался совершенно повернутым на внеземной жизни. Он искренне считал, что Первую волну колонизации прервали именно жители других планет и такая же участь постигнет и Вторую. А всё дело в том, что Земляне крайне сообразительны, могут делать дело и со временем станут сильнейшими конкурентами на межпланетном рын-

ке. Инопланетянам такого, конечно, не нужно.

Чарли провёл Кюнта по всей экспозиции, особенно задержавшись на последствиях провала Первой волны колонизации. Она проходила помпезно, быстро и увенчалась полнейшим провалом — не было никакой возможности восстановить координаты пространственно-временных туннелей и все шестьдесят четыре корабля пропали без вести. Последовавший за неудачей экономический кризис привёл к парочке войн, исчезновению трёх государств и появлению десятка новых. Спустя больше двух сотен лет несколько стран приняли ещё одну попытку, но подошли куда более ответственно. Пятидесятилетняя подготовка подходила к своему финальному этапу. Было закреплено несколько новых точек ПВ-туннелей и вот-вот должна была стартовать экспедиция в созвездие Афродиты. Чарли считал, что искать путь к звёздам ещё рано. Земляне не развиты, их раздражают собственные войны и инопланетные цивилизации просто-напросто их не примут. По его мнению, всё завершится ещё одной катастрофой.

Они вернулись обратно ко входу и оказалось, что кинотеатр не работал уже несколько лет, так как проектор был стареньким, его признали неремонтопригодным, а денег на новый у музея не было.

Собственно, работа была простой — продавать посетителям билеты, сувенирку, а также убираться по мере загрязнения. Зарплата оказалась неприлично мизерной, но хоть

что-то. Чарли передал Кюнту майку с надписью «Там есть жизнь», фирменную кепочку с лицом зелёного пришельца и, попрощавшись, ушёл, напоследок сказав, что он уехал в отпуск на море и в ближайший месяц его не будет. Зарплату Кюнт может взять из кассы, записав сумму в тетрадочку под терминалом.

Только в конце дня он понял, насколько всё было плохо и в какую беду он попал — местные жители обходили музей стороной, а туристы в Розуэлл приезжали в лучшем случае один раз в месяц, и то редко останавливались.

Закрыв вечером музей, Кюнт уныло побрёл в участок. Шериф Джонс с удовольствием предоставил ему дальнюю камеру, предусмотрительно приложив к приглашению ключи. Зайдя в участок, Кюнт с удивлением увидел, как шериф кряхтя раскладывает в своём кабинете раскладушку. Они понимающе переглянулись и пошли спать.

Утром Кюнт успел забежать в больницу, узнать как дела у Кавана. Тот так и не пришёл в себя и доктор Дарлинг с крайне печальным лицом диагностировал у него кому. Медди говорила с Кюнтом отрывисто, даже пренебрежительно. На новость о том, что он поселился в участке она ответила только «Это правильно».

В музее было тихо и спокойно. Включив радио, Кюнт прошёлся по экспозиции и даже заглянул в кинотеатр. Проектор, действительно, был сломан. Сгорело часть микросхем, а самое главное, катушка. В углу нашлись коробки с малень-

кими квадратными дисками. На большинстве из них были записаны документалки про НЛО, а также и обычные человеческие фильмы. Отобрав парочку и заодно прихватив проектор, Кюнт вернулся на своё место в холле.

Алекс потрепал пса за ухом — большой, с коричневыми пятнами, Лаки довольно подставил лоб и блаженно прикрыл глаза. В квартире не было ни одной зацепки. Только Лакки жалобно скулил и Алекс самолично выгулял его, пока ребята из службы безопасности осматривают квартиру.

— Куда же твой хозяин запропастился? — вздохнул мужчина, а Лаки просительно заглянул в его глаза.

Вернувшись обратно, Алекс положил целую миску корма и пёс принялся есть — всё таки два дня не кормили.

Поиски не увенчались успехом. Квартиру опечатали. Пса Алекс забрал с собой — не бросать же его. Вместе они остановились на набережной. К ним подошёл старый капитан Густав. Он достал сигареты и предложил Алексу, тот не стал отказываться. Они закурили, смотря на тёмные воды Гудзона.

— Ну, и какие у нас зацепки, господин старший инспектор? — спросил Густав.

— Его видели в «Святой Иолане». Он поругался с какой-то девицей на входе, зашёл внутрь, а потом вышел и всё, как в воду канул. А тут... сам знаешь...

Алекс затаился и бросил бычок в Гудзон. Вода не при-

няла окурок и тот подрейфовал к центру реки. Сержант поправил свои пышные седые усы:

– Мы проверили эту девицу. На всех камерах наблюдения её лицо словно размыто.

– Чип?

– Если только что-то совсем новое. Размыто странно — то одни черты проявляются, то другие. Из особых примет — рост средний, волосы рыжие, глаза зелёные. Охранник долго пытался вспомнить что-то ещё, но всё без толку.

– Тупик.

Зазвонил телефон. Выслушав и бросив короткое: «Сейчас будем», Алекс махнул рукой сержанту и, подхватив поводок Лаки, направился в сторону своей машины.

Салон «Гезария Андромеды» находилась в подвальном помещении старого завода. Ворота во внутренний двор были распахнуты и их сторожил полицейский в чёрной форме и защитном шлеме. Он помахал рукой Алексу и пропустил машину.

Внутреннее убранство «Гезария» больше походило на низкопробный бордель, чем на виртуальный кинотеатр. Посетителей согнали в большой зал, сотрудников в другой. Лакки, которого Алекс не решился оставить в машине, начал взволнованно принюхиваться, как только они вошли. К ним подбежал запыхавшийся сержант и, отсалютовав, доложил.

– На нижнем уровне нашли подопытных. Уже вызвали

бригаду медиком... Пять бригад.

– Его нашли?

– Нет...

Вдоль стен на койках лежали люди в одинаковых белых рубашках. Капитан Густов оказался тут как тут и принялся разбирать бумаги.

– Как интересненько, — протянул он. — Вы только посмотрите, старший инспектор. Этакая находка тянет на пару-тройку десятков лет особо строгого. Когда медики подъедут, сверху можно будет приплюсовать ещё десяточку за хранение.

Алекс забрал протянутые бумаги. Вообще головная компания «Андромеда» ничем противозаконным не занималась — записывали и продавали сны. Любой желающий мог к ним прийти и за небольшую плату поспать, позволив записать сон. Однако сны обывателей были скучны, неинтересны и коротки. «Андромеде» подавай всяких психов или нариков. Таких было много, но недостаточно.

– Они даже не прятались. Вот смотрите, — Густав подошёл к одной из коек и активировал на браслете женщины её личную карточку и сравнил её с полицейской базой на своём планшете. — Кассирша в гипермаркете «Нон-стоп». Замужем, трое детей, ипотека, два кредита. Какой из неё нарик? А веществ в её крови столько, что мама не горюй. Вот приходит такая в «Андромеду» её усыплюю и сюда в «Гезарию Андромеды». Здесь уже накачивают, для стимуляции, а на-

верху устроили нелегальные просмотры всякого триппа.

– А по моему делу?

Густав пожал плечами.

– Ищем.

Чип памяти нашёл Лакки. Он лежал в здоровенной корзине биоотходов. К засохшей на биопластике крови прилипли чёрные волосы. Алекс подключил чип к своему планшету, но испытал только разочарование — чип был пуст, несмотря на то, что биометрические данные стереть так и не смогли.

– Мы его найдём, Алекс, — тихо прошептал Густав на ухо и ушёл опрашивать и оформлять причастных.

Лакки коротко лизнул руку и вопросительно заглянул в глаза.

Фильм про пса Барби закончился и Кюнт включил новости. Ему раньше и в голову не приходило, что можно просто посмотреть новости — возможно кто-то его всё таки ищет.

– Вчера вечером полиции удалось задержать группу лиц, незаконно удерживающих ни в чём неповинных граждан. Им принудительно вводились сильно действующие вещества. Сейчас все пострадавшие находятся в больнице, а в компании «Андромеда» ведутся аресты. Если вы стали жертвой этой компании, просим обратиться по телефону на экране или позвоните в полицию. Премьер-министр Роберт Лайнел уже сообщил, что лечение всех пострадавших будет за счёт арестованных средств «Андромеды».

Следом были яркие кадры, на которых, заломив руки, вели всех причастных. Камера успела захватить большую лохматую белую собаку с коричневыми пятнами. Она тяжело дышала, вывалив язык, огляделась, а затем припустилась куда-то в темноту.

Проектор щёлкнул, фыркнул и осветил противоположную стену белым шумом.

– Вот так то.

У шерифа был набор красок, при помощи которых Кюнту удалось разрисовать обратную сторону одной из афиш. На следующее утро на дверях кинотеатра висело объявление о ретроспективном показе фильмов начала века и расписание на ближайший месяц.

Может быть Кюнт и не какой-то там руководитель охраны труда, но с голоду он подышать не намерен. Прохожие останавливались, разглядывали афишу и шли дальше. Весь день был потрачен на уборку зала, калибровку экрана и починку кресел. К счастью, самой большой проблемой была пыль. Вечером перед входом скопились значительная толпа. Они проходили внутрь, оглядываясь, и каждый интересовался, действительно ли сегодня будут показывать «Прощание с Африкой» или это очередной документальный бред.

Кюнт поднялся в проекторную и запустил фильм. Довольный собой он уселся на стул рядом с окошком и с наслаждением вытянул ноги. Может быть он был вот таким вот оператором в кинотеатре?

Часть 7. Глас радио глаголит истину

Мы все этого хотим Сэм – знать что настоящее, а что нет. Я вижу людей, которые погружены в свои мечты, потому что они ничего не чувствуют. Они живы? ... Если ты можешь чувствовать – значит ты жив, но если не можешь – значит нет.

Телесериал «Жизнь на Марсе»

Как это было не странно, но со временем Кюнт перестал испытывать тревогу. Его немногочисленные воспоминания легко укладывались в пару страниц и представляли собой сюрреалистические картины, между которыми он никак не мог найти связи. Его новая жизнь превратилась в упорядоченную череду достаточно позитивных событий, которые омрачались лишь посещением Кавана. Кюнт приходил к нему и читал вслух книги. Медди этому не противилась, но её дружелюбность пропала окончательно. Доктор Дарлинг сомневался, что больной что-то слышит, но Кюнт упорно делал это каждый день в обед.

Вечером он возвращался в участок, где вкушал чашечку кофе вместе с шерифом Джонсом. Иногда к кофе прилага-

лись пироги старушки Брегит.

Так прошли три недели. Кюнт настолько влился в монотонное течение времени, что не сразу осознал всю нелепость события, случившегося с ним как-то вечером.

Он сидел в своей камере и рисовал в блокноте портрет матери. У него не очень хорошо получалось, но требовалось как-то закрепить свои воспоминания. По радио крутили аудиоспектакль криминального жанра, в смысл которого Кюнт даже не вслушивался. Девушку звали Мадлен. Её собеседника Асо.

Асо: Ты слишком самоуверенна, девочка. Что тебе даст это?

Мадлен: Чистое удовлетворение.

Асо: И всё? Я мог бы понять, если бы ты попросила выкуп, но просто вот так...

Мадлен: Мне не нужен выкуп. Деньги уже бесполезны. Этот человек должен быть наказан за глупость и жадность.

Асо (вздыхая): Ты считаешь, что он чему-то научится?
(долгое молчание и оркестровая музыка)

Мадлен: Нет.

Кюнт не придавал значение этому диалогу, но по странному стечению обстоятельств он ему запомнился.

Следующее событие произошло несколькими днями позже на показе фильма «Один за всю планету». Это была клас-

сическая картина космического приключения, где земляне спасали планету ценой невероятных усилий. Кюнт, как всегда, сидел в операторской и смотрел фильм вместе с остальными. Он на мгновение отвлёкся, а когда вернулся на место, то на экране стояли двое: рыжеволосая девушка, лицо которой скрывала тень и невысокий мужчина-азиат в зелёном медицинском халате.

– Он открыл глаза, — сказал мужчина голосом Асо.

– И что? — ответила девушка.

– Ты думаешь он в сознании?

– Нет. Это просто рефлекс.

Асо, а это был несомненно он, поднял к глазам планшет и несколько раз ткнул в него пальцем.

– Ты не хочешь всё прекратить прямо сейчас?

– Нет. Он должен быть наказан.

Кюнт подскочил к терминалу, но когда поднял глаза этих двоих уже не было и фильм шёл своим чередом, где челкон «Победа», преодолевая притяжение планеты, улетал к звёздам.

Каван всё так же ни на что не реагировал. В этот раз Кюнт выбрал старую историю про полёт на другую планету, где миром и людьми управлял совет и где людей подчиняли ментальными машинами. Странная история, со странным концом.

Доктор Дарлинг ругал кого-то в коридоре за невниматель-

ность к документам.

– Есть большая разница между ноль пятью миллиграммами и пятью. Если этому человеку вколоть такое количество он умрёт! Будьте внимательны с документами.

Это высказывание доктора Дарлинга никак не выходило из головы Кюнта до самого вечера, а затем он вспомнил короткий эпизод.

Перед ним лежали бумаги — какой-то отчёт. Сильно болела голова, словно с похмелья. Строчки разбегались и не было ни единого шанса уловить смысл написанного.

– Вы подпишите, а мы потом сами, — говорил кто-то рядом. — Тут и так всё ясно, видите? Этот недоумок не проверил свой костюм перед выходом. В камере давление другое, ну и порвался костюмчик-то. Вот видите, он даже подпись поставил о проверке.

Кюнт наблюдал за тем, как его рука ухватила за ручку и медленно движется в сторону листа. Он хотел крикнуть, остановить себя, но не было никакой возможности это сделать. Рука медленно вывела подпись. Бумаги быстренько забрали, но Кюнт был уверен, что это сделали специально.

Он даже не прочёл, что подписывает.

Всё было неправильно, нереально.

Он не должен был ставить свою подпись

– Он подписал их? — уточнил Алекс, разглядывая копии бланков.

– Подписал, — кивнул капитан Густав. — И в компенсации тоже он отказал.

– Где этот, — Алекс прочитал имя потерпевшего. — Каван О’Нил.

– Как где? Где и положено — в больнице святого Патрика.

– И он не делал попыток сбежать?

Капитан коротко рассмеялся:

– Да что ты, старший инспектор, куда он сбежит — радиация на нём ни одного живого места не оставила.

Алекс приблизил снимок женщины, устроившей скандал у клуба. Её лицо было размыто, но...

– Что-нибудь узнали о его дочери?

Густав потыкал в свой планшет и удовлетворённо крикнул:

– Да тут мало чего интересного. Мадлен О’Нил. Двадцать четыре. Закончила колледж в Оклахоме. Юрист. Вчера уволилась из конторы братьев Колибовски... Собственно, она подавала жалобу в прокуратуру, охрану труда, профсоюз и ещё с десятков разных ведомств.

– И?

– И тишина. «Корпатка Прайс» это тебе не зловонная дыра в промзоне. Это двадцать процентов экономики нашей страны. Что будем делать старший инспектор?

Алекс погладил Лакки по голове и усмехнулся:

– Будем искать эту Мадлен О’Нил. Что-то мне подсказывает, Густав, мы имеем дело не просто с похищением. Сме-

каешь?

– Не очень. С вымогательством?

– Да. Поставь у больницы наблюдение — она там точно появится. А как найдёте, поговорим.

Часть 8. Что будет после нас?

Дорогой мой, работать надо только в рабочее время. Оно ведь так и называется – «рабочее».

К/ф «Доживём до понедельника»

Адам Мур жил в Олд-Мексика всю свою жизнь. Его отец сколотил состояние на эксклюзивной продаже ультра сладкой кукурузы для компании «Попкорн-лав». Адам же не был из тех детей, что мотают наследство, как можно было бы подумать на первый взгляд — ему принадлежали все плантации к югу от Роузвелл. Тем не менее ходили слухи, что дела он вёл нечисто, но точных доказательств не было, как и потерпевших.

Кюнт столкнулся с ним случайно, шёл по улице, а тот его окликнул. Адам сидел в припаркованном кабриолете и махал рукой. Рядом с ним сидела его девушка Диана. Она заинтересованно разглядывала Кюнта.

– Это же ты тот неизвестный, которого нашли за городом? — спросил Адам.

– Я, — кивнул Кюнт.

– Что планируешь делать?

– Ещё не знаю. Пока устроился в музей, а там посмотрим.

Может быть уеду.

– Мы тоже планируем уехать куда-нибудь в Олд-Йорк. Вот Адам завершит свои дела и мы отправимся, — улыбнулась Диана. — На сайте я нашла такую квартиру, просто чудо.

Кюнт подумал, что отъезд его самого будет не столько радостным. У него не было достаточно денег, чтобы снять какое-нибудь жильё, купить билет на автобус или, тем более, машину. В каком-то смысле он застрял в Роузвелл.

Доктор Дарлинг внимательно выслушал описание тех событий, что произошли с Кюнтом: диалог по радио и странные кадры во время кинопоказа.

– Я схожу с ума?

– Что вы. Совсем нет. Вы мыслите крайне трезво. Возможно, это всего лишь проекция переживаний о произошедшем с Каваном на реальный мир. Такое случается.

– Я думал, что было бы неплохо уехать.

– И почему?

Кюнт поёрзал на стуле, не совсем чётко понимая причину своих стремлений.

– Я приношу людям несчастья. Это неправильно. Медди едва со мной разговаривает. Пусть и косвенно, но я виноват в том, что случилось с Каваном. Мне неловко встречать её на улице. Это первая причина. Вторая же состоит в том, что здесь у меня нет возможностей узнать больше о своём прошлом.

– Но вам что-то мешает это сделать.

– Да. По дороге сюда я встретил Адама Мура. Он собирается уезжать в Олд-Йорк. До этого момента я не задумывался, что у меня даже нет денег на билет. А ведь билет это лишь малая часть всего переезда.

– Вот видите. Вы спрашиваете сходите ли вы с ума, но сейчас мыслите вполне разумно — вам всего лишь нужно заработать денег.

– Верно. Осталось найти где это сделать.

– Давайте вернёмся к Кавану, — доктор Дарлинг поправил очки и взял в руки журнал. — Вы сказали, что чувствуете за собой вину.

– Верно.

– Расскажите поподробнее.

После разговора с доктором Дарлингом Кюнт испытывал неясную тревогу. Его даже немного подташнивало от осознания собственной беспомощности. Он всё же заставил себя немного посидеть с Каваном и почитал ему газету. Как и прежде, тот был безучастен к происходящему вокруг. В коридоре Кюнт столкнулся с Медди. Она была крайне раздражена и смотрела на него с едва скрываемой злостью:

– Я всё понять не могу, — сказала она без приветствия. — Ты вот ходишь сюда, ходишь... Зачем?

Кюнт немного растерялся от такой прямолинейности, но ответил так же честно:

– Я не знаю что ещё могу сделать. Мне кажется, что он ме-

ня слышит. Конечно я не знал твоего отца так же хорошо...

— Ты никого из нас не знал, — скривилась девушка. — Не приходи больше.

Она обошла Кюнта, но тот схватил её за локоть останавливая.

— Постой. Мне очень жаль, что так произошло, но Каван знал, что провод оголён. Я его предупредил. Он мог дождаться меня и...

— Хватит! Ты обещал помочь, а вместо этого не пришёл. Бросил его одного. Больше не приходи.

Она сбросила его руку и быстро пошла по коридору. От резкого движения с её головы слетела заколка и рыжие волосы Медди волной рассыпались по плечам.

После обеда в кинотеатр заявился Адам Мур. Он подошёл к прилавку и легко облокотился на него. На губах играла лёгкая улыбка. Он внимательно посмотрел на Кюнта.

— У меня есть к тебе деловое предложение, — без прелюдий начал он.

— Какое?

— Очень выгодное. И ты подзаработаете, да и я тоже. Ты же понимаешь, что Чарли Дик не самый разумный человек, а ты очень хорошо придумал с этим кинотеатром. Все местные в полном восторге. Даже удивительно, почему я не догадался сделать этого раньше.

— Я пока не очень понимаю о чём ты говоришь.

– Я говорю о том, что ты мог бы помочь мне приобрести это убогое заведение и сделать из него нормальный кинотеатр. Пока Безумный Чарли в отъезде.

Кюнт встал со своего места и вышел из-за прилавка.

– Меня это мало интересует. Да и без владельца здания такое провернуть нельзя.

– Брось. У тебя есть ключи от всех комнат, а найти где лежат документы дело одного вечера. Чарли не такой умный, чтобы прятать их.

Кюнт подошёл к двери и открыл её, указав Адаму на выход:

– Повторюсь — меня это не интересует.

Мур скривился.

– Хорошие деньги теряешь.

– Хорошие. Давай двигай, пока я шерифа не позвал.

– Ха, нашёл чем пугать. Но ты ещё пожалеешь об этом решении.

О том, как именно он об этом пожалеет, Кюнт узнал чуть позже. Он как всегда закрыл все двери, посчитал кассу и отправился к шерифу на уже ставшую ритуалом чашечку кофе.

Его ударили сзади. Хорошо так, с размаху. Не было никаких шансов устоять на ногах. А затем били ногами — методично, сопровождая удары проникновенными речами о том, что нехорошо отказывать порядочным людям. Когда всё прекратилось, невидимый в темноте человек наклонился, видимо желая обыскать карманы. Послышалась стрельба

и разъярённый крик шерифа Джонса. Это было последнее, что Кюнт запомнил, прежде чем потерять сознание.

Алекс был у себя дома. Лаки вполне неплохо обжился на новом месте и теперь считал диван в гостиной своей личной кроватью, иногда позволяя хозяину квартиры присесть на краешек. Не то, чтобы Алекс любил собак, но именно этому готов был уступить даже собственную кровать, если он пожелает. Именно Лаки в задворках старого завода нашёл одежду и документы своего хозяина. Их отправили на экспертизу, но Алекс был совершенно уверен — эксперты что-то да найдут.

Щёлкнул дверной замок. Из коридора послышалось шуршание пакетов, а следом шаги. Агата вошла в гостинную, осмотрелась, недовольно поморщилась при виде собаки и только после этого подошла к Алексу. Она коротко поцеловала его.

– Я думал ты не придёшь.

– Я решила, что неправильно так долго обижаться, — улыбнулась Агата и бросила взгляд на стол. — Тебе не кажется, что все эти поиски... Я не хочу сказать бесполезны, но... Найти человека в Нью-Йорке всё равно, что искать иголку в стогу сена. К тому же прошло уже сколько... Две недели? Три?

– Девятнадцать дней.

– Вот-вот. Алекс, ты в отпуске, — она присела на край

стола и заглянула ему в глаза. — Мы же хотели провести время вместе.

— Он мой друг.

— Друг? Если помнишь, при последней вашей встрече он сломал тебе нос!

— А я свернул ему скулу.

— И всё же! Он сам не захотел продолжить общение и теперь ты, как преданный щенок, ходишь за ним.

— Он всегда мне помогал.

— Но это не значит, что теперь ты обязан положить всего себя на это дело. Неужели ты последний инспектор в департаменте? Алекс, мы же хотели поехать в Рио, погулять по пляжу, обсудить свадьбу. Неужели ты забыл? — Её голос сделался мягким, затягивающим. — Я понимаю, он твой друг. Но ваши отношения давно в прошлом. Ты попытался его вытащить и что вышло? Даже близкие родственники обходили его стороной. Может быть он сейчас в каком-нибудь притоне глотает «Шторм». Не стоит тратить жизнь на людей, которые этого не ценят.

— Он бы никогда не бросил Лаки.

Пёс коротко тьякнул, услышав своё имя, а Агата бросила очередной недовольный взгляд в его сторону.

— Я хотела поговорить с тобой на счёт собаки. Это же неправильно держать такого большого пса в квартире. Не будет ли лучшим поручить заботу о нём соответствующим людям? В конце концов неужели ты потащишь его в Рио

или, когда вернёшься из отпуска, будешь таскать с собой, как ищейку?

Алек устало спрятал лицо в ладонях.

– Может ты и права. Я устал.

Агата выбрала самую выгодную стратегию:

– Ладно, давай вернёмся к этому разговору утром. Хорошо? Тебе нужно хорошенько отдохнуть.

Она взяла его за руку и утянула за собой в спальню, плотно закрыв дверь перед носом Лаки.

Утром Алекса разбудил телефонный звонок. Услышав короткое «Мы нашли её. Она в больнице», он слетел с кровати, оделся за пару минут и, пристегнув к шее Лаки поводок, выбежал на улицу, даже не подумав, что Агата всё ещё в его квартире.

Мадлен оказалась очень красивой молодой девушкой. Она внимательно выслушала Алекса.

– Последний раз я видела его у клуба.

– Тем не менее вы уволились с перспективной работы. Почему?

– Мне нужно ухаживать за отцом. Это вопрос?

– Нет. Мы просто разговариваем. Пока.

– Раз просто разговариваем, позвольте встречный вопрос.

– Завайте.

– Этот человек, которого вы ищете — он вам не чужой, так?

– Это имеет значение?

– Вы разные. Разный статус, разные жизни. Даже если когда-то вы общались, то явно не виделись давно.

– Можно не видеть человека много лет, не созваниваться с ним, но это не то же самое, что бросить. Понимаете?

Мадлен кивнула, принимая его ответ, но по её лицу нельзя было прочесть одобряет она такое мнение или нет.

– Он не тот человек, ради которого нужно так стараться. Прошу прощения, мне нужно спешить.

Она спустилась вниз по лестнице, пересекла холл и вышла через широкие двери больницы. С улицы послышался лай Лаки. Алекс бросился следом за девушкой, но когда оказался на улице, той уже нигде не было. Лаки, нёсся по парковке по направлению к выходу. Алекс бросился за ним, но пёс выбежал на дорогу и скрылся из виду. Инспектор остановился, стараясь отдышаться и достал телефон.

– Густав. Срочно добудь мне ордер на арест Мадлен О’Нил. Сейчас, сию минуту!

Кюнт очнулся уже в больнице. Доктор Дарлинг недовольно проворчал, что продержит его до утра, но у парня ничего не сломано и даже сотрясения нет — только ушибы и ссадины. Кюнт ожидал, что будет очень больно, но он испытывал лишь лёгкую головную боль.

Чуть позже к нему зашла Медди — вот кого он меньше всего ожидал. Она долго молчала, разглядывая его.

– Кто это был?

– Да так. Хотели кошелёк украсть, — соврал Кюнт.

– Не ври. Я знаю, что это Адам подговорил их. Что произошло?

Он всё же пересказал ей разговор с Адамом днём. Девушка была удивлена отказом Кюнта.

– Почему?

– Нечестная сделка. Я хотел договориться с Чарли о проценте с продаж билетов, а также убедить его не закрывать кинотеатр. Он конечно мог бы отказаться от всего этого, но я бы попытался убедить его в крайней прибыльности подобного предприятия. В конце концов на такие деньги он смог бы привести в порядок свой музей, сделать рекламу, привлечь туристов и так далее...

– А эта сделка честная? Разве ты не идёшь против воли самого Чарли, который считает кощунством показ всяких фильмов в своём музее?

– Как ты всё переворачиваешь, — удивился Кюнт. — Конечно честная. Я не собираюсь отнимать у него ни здание, ни фирму, а только предложить развитие. Нет ничего плохого, в том, что и я получу с этого выгоду. Между прочим и Чарли тоже будет иметь с этого. Если подумать, то человек всегда стремится получить выгоду. Часто это не очень очевидно.

– Волонтёр, спасающий котят, хочет сделать мир лучше, а котят счастливей. В чём тут выгода?

– В том, что, во первых, мир станет лучше, во-вторых, лучше будет самому волонтёру — он чувствует себя нужным

и в каком-то смысле это тешит его самолюбие.

Медди широко раскрыла глаза и удивлённо на него посмотрела. Её руки слегка подрагивали.

— Ты как-то меня спросил, плохой ли ты человек. Так вот, тогда я не знала, неделю назад посчитала бы что да — ты плохой, а теперь я думаю, что ты либо безумен, либо... — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Тебя обязательно ищут и найдут. Такой человек вряд ли может быть в одиночестве. И это тоже кому-то выгодно.

Она это практически выплюнула и развернувшись ушла. Кюнт выдохнул, стараясь привести в порядок разбегающиеся мысли. Он никак не мог её понять, словно было что-то, что она не договаривает.

Словно сам он что-то забыл.

А точно — он и вправду всё забыл.

Часть 9. Любой ценой

А голова предмет тёмный и исследованию не подлежит.

К/ф «Формула любви»

Густав нашёл Алекса в департаменте. Тот сидел в своём кабинете и просматривал записи камер с парковки. Капитан положил перед старшим инспектором свой планшет.

– Как тебе?

Алекс непонимающе уставился на фотографию Мадлен и неизвестного азиата.

– Кто это?

– О, это занимательная личность, — усмехнулся Густав. — Доктор Хироми Асо. Японец по происхождению. Лет пять назад его выгнали из «Гейм Дарк» из-за незаконных экспериментов над людьми. У него была безумная идея виртуальной реальности с полным погружением. Только вот люди, на которых он испытывал свою методу, чаще всего заканчивали так себе. Некоторые сходили с ума, у других наблюдались проблемы с нервной системой и моторикой. Был суд, но умник сбежал до того, как его успели заключить под стражу. До этого момента его никак не могли засечь.

– Как это с полным погружением?

– А так. Испытуемые говорили о том, что они чувствовали

запахи, ощущали боль, а иной раз совершенно забывали про то, что они в виртуальной реальности. Однако система была нестабильна и часто вылетала.

– А где сделали снимок?

– Промышленная зона «Вест». Где-то недели две назад. Сейчас ребята осматриваются там.

– Их там нет. Если... Это должно быть какое-то укромное место, с крепкой энергосетью. И ещё — найдите собаку. Он побежал за машиной Мадлен, но после его нигде не было видно.

– Мы попробуем отследить её машину.

Мне страшно с Тобой встречаться.

Страшнее Тебя не встречать.

Я стал всему удивляться,

На всем уловил печать.

По улице ходят тени,

Не пойму – живут, или спят.

Прильнув к церковной ступени,

Боюсь оглянуться назад.

Кладут мне на плечи руки,

Но я не помню имен.

В ушах раздаются звуки

Недавних больших похорон.

А хмурое небо низко –
Покрыло и самый храм.
Я знаю: Ты здесь. Ты близко.

Тебя здесь нет. Ты – там.¹

(Александр Блок – «Мне страшно с Тобой встречаться»

1902г.)

– Это стихотворение очень любил мой отец. Его написал старый русский поэт несколько веков назад. Представляешь папа специально выучил русский язык, чтобы прочитать его в оригинале. Безумие, конечно, но он всегда делал такие вот безумные вещи.

Голос Медди звучал в ушах. Кюнт попробовал открыть глаза, но не смог этого сделать, а она продолжала говорить.

– Когда я была маленькой, мы на три недели поехали в Ирландию. Это было ужасно дорого, но отец очень хотел мне показать места, где родился. Меня поразила Ирландия — скалистая равнина, горы и холодное море, разбивающееся о скалы. Мир, которого не коснулась губящая рука человека. Все говорят про то, что Земля слишком маленькая для нас, что люди уничтожают её, что воздух отравлен. И вот мы стремимся к звёздам, чтобы отравить ещё одну планету. Сотни планет, где-то там. Зачем я всё это тебе рассказываю? Ты не поймёшь. Тебе всё равно. Ты просто денежный мешок, считающий, что люди под твоими ногами мусор, расходный материал. Как только они выработали свой ресурс — их сле-

дует выкинуть.

Голос её стал злым. Кюнт очень хотел ответить ей, что это не так. Что на самом деле он потерялся. Что...

– За эти дни я узнала тебя чуть лучше и Асо прав, теперь мне стало сложнее решиться. Несомненно, если бы ты меня сейчас слышал, то придумал бы множество оправданий. Все вы мастера это делать.

Кюнт открыл глаза. Медди рядом не было. Он находился в больничной палате. Один.

Он сбежал из больницы. Его гнало странное ощущение паники и непонятной клаустрофобии. Словно мир вокруг сворачивался до маленькой точки и давил со всех сторон. Он забежал в музей и практически весь день просидел там, не желая ни с кем встречаться. Ему чудилось, что предметы вокруг плывут, меняют форму, но стоило сфокусировать взгляд, как всё вставало на места. Кюнту хотелось убежать как можно дальше. Прочь от Медди, Розвелла и всего этого безумия. Останавливала только багровая пустошь вокруг, не дающая ни единого шанса выжить.

Ближе к вечеру к нему заявился Август. Он улыбался и вновь предложил свою сделку. Кюнт был почти готов согласиться. Если подумать, то Чарли действительно не видел выгоды, которая плывёт к нему в руки. В лучшем случае, он не уволит Кюнта. Чарли — слабое звено, а со слабыми нельзя иметь дело. Они тянут тебя вниз.

Но Кюнт отказал Августу и прогнал его. Просто потому что ему вспомнился Алекс, который друг. И который тоже отказался идти простым путём. Он не был слабаком. Ведь так?

— Ты можешь хоть что-то сделать как надо? — кричал на него отец. — У тебя самая простейшая задача — закончить колледж без проблем. С кем ты в этот раз связался?

— Ни с кем.

— Знаю я. Это всё твои дружки. Всё, мне это надоело. Сегодня я заблокирую все твои счета.

На самом деле всё было не так страшно, как говорил отец. Кюнт хотел помочь сокурснику с девушкой. Они арендовали кран, парень поднялся в люльке до третьего этажа и просил у неё прощение. Дело происходило ночью и кто-то из жильцов вызвал полицию. Те арестовали ребят.

— Хорошо отец.

— Ты даже не будешь спорить?

— Нет. Это твои деньги и твоё право.

Отец покраснел от гнева.

— Чёртов слабовольный идиот!

Он схватился за сердце и сполз на пол... Так он умер.

Кюнт вынырнул из воспоминаний, жадно хватая воздух ртом. Ему было и холодно, и жарко. Что же, получается он довёл отца до сердечного приступа? Он виноват и в этом?

На следующий день на осмотре у доктора Дарлинга, Кюнт

узнал, что страховка Кавана не покрывает всего лечения и требуются деньги. Он, Дарлинг, конечно, свои услуги исключил из списка, поскольку Кавана знает очень давно, но вот лекарства стоили дорого.

А вечером вернулся Чарли.

– Я смотрю ты неплохо прибрался тут, — это было первым, что он сказал, войдя в музей. — Я вот решил вернуться пораньше — стало скучно.

Кюнт, набравшись смелости, рассказал о своём самоуправстве. Если уж начал дело, то иди до конца, как говорил отец. В начале Чарли рассердился, даже попробовал вышвырнуть Кюнта, но увидев прибыль за последние две недели, искренне удивился, а после медленно проговорил:

– Кому нужна взеземная жизнь, когда земная вот-вот распространила по вселенной?

Он сам рассмеялся своему каламбуру и, вытащив из пачки купюр примерно половину, вручил её Кюнту.

– На, держи. Заслужил.

Кюнт растерянно забрал купюры.

– Я думаю тебе чертовски надоел этот городишка. Этих денег вполне хватит, чтобы уехать. Или останься, будешь кино крутить. Сам решай.

Уехать? Он действительно может уехать. Вот прямо сейчас. Сию секунду.

Уехать... Куда?

Медди удивлённо смотрела на деньги.

– Ну же, бери. Я знаю, что тебе они нужны.

– Зачем?

– Как зачем? Потому что они нужны тебе.

Девушка взяла купюры и пересчитала их.

– Ты считаешь себя невиноватым в том, что случилось с папой, но при этом откупаешься.

– Не откупаюсь. Помогаю. Тут есть разница.

– Ты мог бы уехать.

– Куда? Я даже не знаю куда мне ехать и что делать. А здесь есть что-то, что мне нужно. Или кто-то.

Кюнт махнул ей и сбежал, опасаясь, что Медди откажется принимать деньги. Ему внезапно стало легче. Слабый человек, не слабый — какая разница? Любой человек — слаб, если найти болевую точку. Даже отец, который талдычил о человеческих слабостях, оказался жертвой собственного здоровья.

Слабость не делает человека подонком. Таким его делает безразличие.

– Я всё хотел спросить тебя — почему ты так вцепился в этого парня?

Алекс бросил недовольный взгляд на Густава.

– По-моему тут всё очевидно.

– Нет.

– Поясни.

Густав вздохнул и скрестил пальцы перед собой на столе. Алекс приготовился выслушать подробное объяснение старого капитана.

– Сам посуди. Парень получил наследство от папаши, а потом всё свалил на своего дядю. Сам же кутил, пил, возможно баловался веществами. Картина вырисовывается следующая: богатенький мальчик, которому совершенно плевать на всё и всех. Даже этот случай с О’Нилом. Пусть Мадлен и влезла во всё это по самые уши, но парень, действительно, допустил ошибку и стоит гончим из охраны труда взять след, корпорацию ждут судебные тяжбы. Я знаю, что вы когда-то дружили, но всё не могу совместить две картины: богатенький мальчик и ты, простой парниша из рабочей семьи.

– Вот ты и нашёл ответ — мы дружили.

– И что случилось?

– Он не такой, как ты его описал. По крайней мере был. Всё изменилось, когда умер его отец, а человек он был довольно жёсткий, если не жестокий. А когда умерла мать, так он совсем потерял связь с реальностью. Вот ты говоришь, что он свалил всё на дядю. Но так было не всегда — после того, как компания перешла ему, был заключен контракт с «Сетевым Богом», а ведь это требовало, ой какого, мастерства и изворотливости. Я пытался его вытащить, но ничего не вышло. Он сломал мне нос, я ему скулу — на том и разошлись.

– Ну хорошо, он был таким вот замечательным пареньком,

всё на благо народа, людей и так далее. Затем скатился. Сейчас-то зачем ты ему помогаешь?

Алекс несколько раз ткнул в монитор и развернул его к Густаву.

— Вот смотри. Видишь? Лиам Моррис не особо стремится найти племянника. Посмотри его последнее интервью — да он его уже похоронил!

— Да брось мне показывать всяких мудаков, — проворчал Густав. — Ты-то тут причём?

— Друзей в беде не бросают, Густав. Вот ты бы меня бросил?

— Да ну тебя, — отмахнулся капитан, но задавать глупые вопросы перестал.

— Ты зашла слишком далеко.

— Ещё нет.

— Всё или ничего? Так?

— Да, — Мадлен бросила на Асо заинтересованный взгляд. — Неужели ты его жалеешь?

Изобретатель пожал плечами:

— Он на грани — ещё один-два дня и можно будет отправлять в утиль.

— Вот и хорошо. Туда ему и дорога.

— Послушай, — Асо схватил девушку за руку. — Я слышал как ты с ним говорила и видел, что происходило там. Он не взял деньги, не сбежал, а отдал их тебе. Мне кажется это что-

то о нём говорит.

– Ничего это о нём не говорит. Я доведу дело до конца с тобой или без тебя.

Асо отпустил Мадлен и разочарованно покачал головой.

– Есть старая японская поговорка: победа достанется тому, кто вытерпит на полчаса больше, чем его противник. Кто из вас более упёртый?

Девушка презрительно фыркнула и легла на кушетку.

– Давай уже, подключай меня. И пожалуйста, больше без древнего фольклора.

Асо считал бессмысленным мечь. Не из-за какого-то «фольклора». Просто он предпочитал делать дело, а судьба сама осуществит свою мечь. К тому же самое лучшее отмщение, по его мнению, когда противник признаёт поражение и живёт с этим, нежели так бесславно погибает.

У ног своего хозяина лежал пёс. Он внимательно смотрел на Асо, словно осуждая. Подключив Мадлен, изобретатель на мгновение засомневавшись, всё же запустил систему. Пёс приподнял морду и заскулил.

– Не переживай. Я не дам ей всё сгубить, — проговорил Асо. — В конце концов, каждый из нас когда-нибудь встретится со своими демонами.

Собака замолчала, поводила носом и улеглась обратно, закрыв глаза.

Часть 10. Лицом к лицу

Лишь утратив всё до конца, мы обретаем свободу.

К/ф Бойцовский клуб

Лучше узнав Чарли, Кюнт проникся к нему симпатией. Этот неловкий, несуразный человек на самом деле оказался способен понять и принять практически любую идею. Для этого требовалось разжевать своё предложение до состояния каши, но тем не менее Кюнт не встретил никакого сопротивления.

Оттого новый приход Августа уже не выглядел таким опасным. Этот человек хоть и обладал деньгами, но отчего-то не мог никак повлиять ни на самого Кюнта, ни на Чарли. Он больше походил на маленького мальчика, который бежал из-за того, что идёт дождь. Август долго беседовал с Чарли, предлагал, доказывал, угрожал...

— Нет, — раз за разом говорил Чарли.

Когда Август собрался уходить, он подошёл к Кюнту и, доверительно нагнув голову, сказал:

— Мы оба знаем, что Чарли тряпка. Он не способен сделать что-то стоящее. Мой тебе совет — держись сильных людей, а слабых оставляй позади. Иначе так и застрянешь в этом городе, — он ушёл, на прощание бросив ещё несколько угроз.

— Как ты думаешь, он всерьёз или всё это пустая болтовня,
— спросил Чарли.

Он не выглядел испуганным, а скорее удивлённым.

— Кто его знает. Может пустая, но я бы советовал прибрать ружьё и проверить сигнализацию.

Шериф Джонс подошёл после обеда. Он вручил Чарли ружьё и тревожную кнопку. По мнению шерифа Август вполне способен сделать какую-нибудь гадость. Дежурить решили по очереди. Первым был Чарли, затем Кюнт и уже утром вновь Чарли. Заступив в час ночи на пост охраны, Кюнт сел с ружьём в холле, включил радио и старался не клевать носом.

— Знаете, всё это глупость, конечно, — доносилось из радио. — Люди в общей своей массе глупы, порочны и не способны как-либо управлять своей жизнью. Мы все, я в том числе, мечемся между двумя противоположностями: хороший парень — плохой парень. А посередине есть ты настоящий. И вот мы танцуем на острие лезвия, обрезаясь каждый раз, как оступаемся. Вам не нужно бояться оступиться — вы уже оступились. Остался вопрос как подняться, — голос ненадолго умолк, но тут же продолжил. — Она зашла слишком далеко. Одно дело наказать, заставить сделать правильный шаг, а другое — убивать. Ваша собака пришла за вами, а собаки понимают людей лучше их самих. Вы должны понять, я долго сомневался, долго пытался осознать, что все мои исследования на самом деле лишь начало и идеала

я уже не достигну. Только мои последователи. У меня не так много времени, денег, ресурсов, чтобы продолжать. Я просто хочу, чтобы вы поняли — я не хотел вас убивать. И не хочу теперь. Попробуйте понять... неважно. Вы всё равно не слышите меня. Зачем я это говорю?

Кюнт схватил радио и потряс. Это было какое-то безумие. Ведь голос с той стороны говорил странные вещи, которые совершенно не соотносились с тем, что происходило.

— Всё, что вас окружает — нереально. Нет, не совсем так. Оно реально только потому, что этот мир создаёт ваше сознание. Я могу дать вам права администратора, но если вы не осознаёте своего нахождения здесь, тогда они просто ничего не дадут. Я надеюсь, что вы меня слышите. Я не хочу, чтобы вы умерли. Это неправильно.

С улицы послышался звук разбитого стекла. Кюнт поставил радио, сделал несколько глубоких вдохов и пошёл посмотреть, что произошло.

Август стоял в зрительном зале. Он выглядел довольно странно в красной куртке и канистрой в руках. В воздухе пахло бензином.

— Вот и всё, — сказал Август, ставя канистру на пол. — Мы пришли к финалу.

— Я не понимаю зачем это тебе. Давай всё обсудим.

— Нет. Нечего обсуждать, — Август достал зажигалку и поджёг её.

Кюнт отложил ружьё — в нём всё равно не было смысла.

– Но ведь это нелогично. Зачем поджигать здание, если можно договориться?

– Потому что надо идти до конца.

Зажигалка выпала из разжатых пальцев и упала на сидение. Огонь вспыхнул через мгновение, распространившись по всему пространству вокруг. Слишком быстро. Нереально быстро.

Не-ре-аль-но.

Кюнт бросился вперёд, вцепившись в Августа. Он тогда уже всё понял, но ему требовалось подтверждение. Он знал, кто перед ним. Чувствовал. Помнил.

Лицо Августа, не лицо вовсе — маска. Она сошла, открыв истину.

На Кюнта смотрел он сам.

– И что теперь, парень? Как тебе шутка? Вот он ты — беспомощное создание, готовое принять поражение. Ну же, давай покончим с этим, — говорил двойник. — Закончим всё прямо сейчас.

Кюнт ударил точно в нос. Его противник упал, держась за лицо. Пальцы окрасились кровью.

– Ты — это я. Хорошо. Но я — это тоже ты.

Потребовалось немало труда, чтобы вытащить своего двойника из огня. Они шли по пылающему коридору, кашля от дыма и стараясь не дышать слишком глубоко.

– Я понял, — проговорил Кюнт. — Теперь я всё понял. Я

нашёл тебя, а ты меня. Понимаешь, что это значит?

– Нет.

– Ты Август. В августе умер отец. Я вспомнил.

– Идиот.

– Не могу не согласиться.

Они вывалились на улицу, жадно хватая ртом прохладный воздух.

– Ты идиот, но идиот сообразительный, — простонал Август.

Когда Кюнт повернул голову, чтобы ответить, то его уже не было. За спиной пылало здание музея НЛЮ, а над головой чернело небо. Кюнт перевернулся на спину. Так он лежал очень долго, вглядываясь в незнакомое небо и вспоминал.

Асо поморщился, когда система выдала ошибку. Это должно быть болезненным для испытуемого. Мадлен всё так же лежала без движения. Она не сразу заметит изменения, а когда заметит, то будет поздно.

– Это действительно что-то необычное, — проговорил Асо сам себе. — Было бы жалко потерять такие исследования.

Он принялся изменять код и вносить новые команды. Его рука на мгновение зависла над кнопкой ввода. Асо бросил взгляд в сторону собаки, своих подопытных и, обречённо вздохнув, нажал на кнопку, запуская новый алгоритм. Следом он достал телефон и сделал звонок.

– Алекс Тейлор слушает.

– Добрый вечер, старший инспектор Тейлор. Приношу свои извинения за то, что звоню так поздно.

– Кто вы такой?

– Меня зовут Асо Хироми. Я знаю, что вы ищите своего друга и Мадлен О’Нил. Я готов сотрудничать в обмен на иммунитет и возможность пообщаться с вашим другом, после того как он придёт в себя.

Часть 11. Граница бесконечности

— *Господи! Неужели вам обязательно нужно убить человека, чтобы понять, что он живой!*

Тот самый Мюнхаузен

В пустоте не было ничего. Пустота была ничем. Он тоже был никем — пустотой. Мир за границами сознания не существовал. Мир внутри исчез. Был только он сам.

Его звали Курт Андерсон.

— Я готов, — прошептал он и тут же прокричал что есть мочи. — Ну же, чего ты ждёшь? Я готов!

— К чему ты готов?

Курт обернулся. Медди стояла за его спиной. Конечно, звали её иначе и он даже вспомнил имя — Мадлен О’Нил. Удивительно, как быстро начинает работать голова, когда ты находишься в стрессе.

— Я вспомнил тебя.

— Неужели? — её лицо изменилось, став наконец похожим на лицо девушки у клуба.

— Да. Я понял. И не держу на тебя зла.

— Он не держит на меня зла! Ха!

— Да, именно так. Помнишь я спросил тебя, хороший я человек или нет? Человек не может быть хорошим или пло-

хим. Он — это он. Что-то среднее. Я постараюсь исправить то, что совершил.

Она ему не поверила.

— Ложь. Всё ложь. Уже два месяца я получаю одни отписки и отказы. Ты ошибся, а ответственность несут другие. Пора понести наказание. Ты останешься здесь навсегда, запертый, в одиночестве.

— Не останусь, — спокойно ответил Курт. — Это мой мир, моё сознание. Я решаю, что и как делать.

Перед ним появилась панель задач, очень похожая на интерфейс самого обычного планшета. На одной из кнопок значилось «Нажми на меня».

— Мадлен, я вернусь за тобой. Не думай, что ты останешься здесь. И тогда мы всё решим. Но не так, когда один человек безумен, а другой жаждет мести. Лицом к лицу и без масок.

Он нажал на кнопку.

Голова разрывалась, словно изнутри что-то давило, пытались вырваться. «Это мозг, наверное», — подумал Курт.

— Эй, ты как?

Сквозь неясную муть просматривалось лицо Алекса. Он крепко держал его за плечо.

— Пойдёт.

— Сейчас приедут медики. Ты главное не умри. У меня свадьба через месяц.

Курт попытался улыбнуться, но губы едва слушались.

– Этот... Асо... не трогай его... У меня к нему идея...

Когда приехали медики, то вкололи ему какой-то коктейль из снотворных, после чего Курт провалился в сон.

Самый настоящий сон без сноведений.

Часть 12. В Ад ведут не все пути, но лишь один

Всё хорошо, что кончается хоть как-то.

«Жалобная книга» Макс Фрай

«В Ад ведёт не один путь, но все пути».

Курт покачал головой и отложил книгу. Не самое лучшее занятие читать всякую фантастику после пережитого безумия. Его палата была светлой, просторной и окна выходили на залитый вечерним светом Нью-Йорк.

В дверь постучали, в палату зашёл Алекс. В руках он держал букет роз и пакет с фруктами.

— Зачем цветы? — поинтересовался Курт.

— Затем, что они не тебе, — усмехнулся Алекс. — Пойду просить прощения. Как ты?

— Сойдёт.

Алекс поставил фрукты на стол и присел прямо на кровать.

— Доктор говорит, что завтра тебя уже выписывают.

— Небольшое истощение и шишка на голове — вот пожалуй и всё.

— Что собираешься делать потом?

Курт прищурился, смотря на здания за окном. Из здания больницы прекрасно виднелась Башня Галактики, где верхние пять этажей занимала «Корпатка Прайс».

— Я уже начал. Лиам Моррис отстранён. Я успел посмотреть его последние проекты и сделки — он неплохо поживился за мой счёт. Пора бы это прекратить.

— И ты оставишь всё как есть?

— Пока не знаю. Психиатр говорит, что моя психика не сильно пострадала, но иногда я ловлю себя на не самых приятных мыслях. Пройдёт.

Алекс усмехнулся и, порывшись в карманах, протянул Курту маленькую пластиковую колбу с чипом внутри.

— Вот причина всего. Это нейрочип. Его подключили в пазы памяти. Собственно, он пользуется теми же узлами.

Курт забрал чип и внимательно рассмотрел его. Такой маленький и натворил столько бед.

— Занятная история, если подумать, — задумчиво проговорил он. — Мир, работающий только на силе воображения. Это могло бы быть полезным, если бы работало как надо.

Алекс замер на мгновение и подозрительно прищурился:

— Что ты придумал?

— Что-то новое, мой друг. Что-то очень перспективное. Пора выбраться из раковины.

Асо выглядел бледным и поникшим. Он явно подозревал, что в самом лучшем случае его посадят пожизненно. В худ-

шем просто пристреляют. Его собственный план был хрупким и строился лишь на предположениях. Он устал ждать. Просидев больше двух недель в одиночке, он уже был готов сам удавиться.

Поэтому, когда Курт Андерсон переступил порог его одиночной камеры, Асо даже обрадовался. Ожидание закончилось. Его подопытный выглядел свежим. Чёрная рубашка, чёрный костюм и чёрное пальто делали Курта подобно ангелу смерти. Он достал из кармана пробирку с чипом.

– Это и правда вы изобрели?

– Правда я.

Курт усмехнулся и сел напротив.

– Я почитал ваши допросные листы после тех случаев в «Гейм Дарк». Есть над чем подумать.

– Вам дали их почитать?

– У меня есть друзья в полиции. Да и не важно откуда я их взял. Важно то, что «Гейм Дарк» вас подставил. Так?

Асо небрежно пожал плечами, не давая однозначного ответа.

– Вы не убивали людей и все ваши подопытные подписали соглашение о последствиях и были заранее уведомлены о них. «Гейм Дарк» же просто поняла, что ваше изобретение требует больше денег, больше времени и в игровой индустрии станет применима в лучшем случае через два-три десятка лет. В то же время глава «Гейм Дарка» попал в неприятную ситуацию, вследствие которой его бы попросили. Вот

он решил сместить градус общественного порицания на вас.

— То есть вы считаете меня невиновным? — искренне удивился Асо.

— Почему же, — рассмеялся Курт. — Меня вы приложили знатно. Да и те другие тоже мучаются от последствий. Тем не менее ваше изобретение очень занятно и я вижу как в будущем его можно применить. И вы тоже это видите. У меня есть деньги, есть лаборатории, есть учёные, но нет вас. У вас же нет ничего из вышеперечисленного, но есть идеи. Что скажете, если в обмен на одолжение с моей стороны вы продолжите свои исследования? Конечно без членовредительства и с соблюдением всех мер безопасности.

Асо вытер лоб. Его руки дрожали.

— В обмен на какое одолжение?

— Вашу свободу, конечно! Безусловно, первое время не советовал бы вам показываться на улице, но как мне кажется вы и не захотите. Что скажете?

Последним, кого посетил Курт, была Мадлен. Он боялся этого и в то же время предвкушал эту встречу. Её поместили в охраняемую палату. Загнанная в ловушку, она всё так же нахально смотрела ему в глаза.

— Ты была права, — первое, что сказал ей Курт.

Мадлен удивлённо вздёрнула брови:

— В чём?

— Во всём. В первую очередь про безответственное от-

ношение к технике безопасности, — принялся перечислять Курт. — Над этим уже работают и некоторые потеряли работу.

– А ты? Ты не потерял?

– Я владелец Корпатки. Я не теряю работу — я её даю. И несу ответственность. Не перебивай меня. Так вот, во-вторых, по поводу денежного мешка — вполне верно сказано. Денег у меня немерено и людей, желающих их получить, тоже. В-третьих, я допустил ошибку — ответственность несут другие. Я ошибся — мне исправлять. Твоего отца перевели этажом ниже. Завтра сможешь с ним побеседовать. Он будет рад тебя видеть.

– Ты его видел?

– Да. Вполне разумный человек, должен сказать, и незаслуженно засидевшийся на своей должности. Это тоже моя ошибка, в какой-то мере.

Курт испытал истинное удовольствие увидев выражение её лица — удивление и недоверие.

– Ты лжёшь.

– Кто знает. Может быть это моя месть тебе.

– Какая месть?

– Видеть, что твои труды увенчались успехом, но не так как ты хотела бы. Я зайду завтра вечером, когда ты не будешь так воинственно настроена, и мы поговорим. Уже в реальном мире. Нормально.

Он поднялся со стула и двинулся к выходу.

– Ты уверен, что этот мир реален? Может быть я так смеюсь над тобой?

Курт обернулся к Мадлен. На его губах играла лёгкая улыбка.

– А ты уверена?

Её глаза расширились от ужаса и Курт даже пожалел о своей шутке. Лишь на мгновение, но стоило вспомнить, что эта женщина виновата в его бедах, пусть и не всех, он тут же отбросил всякое благородство.

– Не играй со мной, Мадлен. Ты получила то, что хотела и той ценой, которую смогла заплатить. Оглянись — твой отец жив, идёт на поправку и скоро вы увидите. Ты сама жива, пострадала лишь твоя гордость.

– Ты ещё жив.

– Смерть не есть самая страшная участь. Она скорее избавление от мучений, нежели наказание. Жить труднее.

Свадьбу играли в Рио. Голубое небо, голубое море, яркие краски нарядов гостей... Курт усмехался, наблюдая, как Алекс пытается убедить свою жену сбежать с этого праздника жизни.

Сам он ещё немного потолкался среди гостей, в последний раз поздравил молодых и побрёл вдоль песчаной косы. Этот частный пляж так же входил в аренду, но гости до сих пор продолжали танцевать и пить. Возможно ночью они решат искупаться. На вышках сидели спасатели и подозритель-

но провожали Курта взглядом.

Он всё таки стянул туфли с носками. Песок приятно грел босые ступни. Мадлен Курт увидел из далека. Она сидела прямо на песке, задумчиво смотря на горизонт.

– Ты всё ещё считаешь, что этот мир нереален? — спросил Курт, протягивая ей припасённый со стола бутерброд.

Девушка подняла глаза. Смотрела она очень недовольно. Бутерброд, впрочем, забрала.

– Там что, закончились девицы?

– Как сказать... — пожал плечами Курт и сел рядом. — Ставлю пять процентов акций, что Алекс сбежит до того, как вынесут торт.

– Агата ему не даст... Постой, ты что-то знаешь?

Курт усмехнулся и указал в сторону причала. Вдалеке показался катер, а со стороны шатров донеслись возмущённые возгласы. Курт помахал рукой катеру, а тот в ответ просигналил три раза и, набрав скорость, отправился в своё путешествие.

– Итак, я выиграл. Что мне за это будет?

– Что? Я не спорила!

– И всё же проиграла.

Мадлен возмущённо фыркнула и стала подниматься, но Курт схватил её за руку, сажая обратно.

– Мадлен, может хватит дуться? Я ведь серьёзно.

– Насчёт спора?

– Нет.

– Идиот.

Она оттолкнула его на песок и, поднявшись, пошла вдоль берега, неся в руках босоножки. Курт подхватил свою обувь и побежал за ней.

– Хорошо-хорошо. Ты выиграла. Что мне сделать?

Мадлен остановилась. Её плечи расслабились. Ветер подхватил запах её духов и донёс его до Курта. На губах девушки играла загадочная улыбка.

– Давай сбежим.

– Куда?

– Придумай, но куда-нибудь подальше.

2022 год, Москва